

ПЯТАЯ НОЧЬ
ДРАКОНА

ХАННА СЕЙВЕЛ

Ханна Сейвел

Пятая ночь дракона

«Автор»

2026

Сейвел Х.

Пятая ночь дракона / Х. Сейвел — «Автор», 2026

Сейра спасла раненого черного варана — и очнулась в мире, где он оказался драконом. Там его зовут Нейвар Хаэн. Он наследник империи, связанный клеймом древнего Ордена. Каждую пятую ночь зверь рвется наружу, и только голос Сейры способен удержать его на краю. Он обещает найти ей путь домой. Она соглашается помочь ему не потерять себя. Это всего лишь сделка. До тех пор, пока дракон в нем не начинает выбирать ее голос, а мужчина — ее прикосновения. Но чем ближе дорога обратно, тем страшнее выбор: вернуться в свой мир или остаться с тем, кто без нее рискует больше не вернуться в человеческий облик.

© Сейвел Х., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог. Ночь без Кадара	5
Глава 1. Черный варан	8
Глава 2. Наследник вернулся	14
Глава 3. Не трогать ее	19
Глава 4. Под защитой Огня	23
Глава 5. Четыре дня	29
Глава 6. Под охраной	35
Глава 7. Старший сын	41
Глава 8. Шарран	47
Глава 9. Совет	53
Глава 10. Раньше срока	59
Глава 11. Не уходи	65
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Ханна Сейвел

Пятая ночь дракона

Пролог. Ночь без Кадара

У двери не было Кадара.

Нейвар заметил это сразу, едва спустился в нижний коридор северного крыла. У тяжелой бронзовой двери стоял молодой страж из внутреннего караула, в темной форме личной гвардии, с именной застежкой на плаще. Не чужак. И все же не Кадар.

Пятая ночь уже брала свое. Жар поднимался изнутри, подступал к горлу; кожа на плечах натягивалась, будто тело заранее вспоминало другую форму. Еще немного — и в человеческом голосе начнет прорываться звериный рык.

Нейвар остановился перед караульным:

— Где Кадар?

Страж сдержанно, с безупречным почтением поклонился:

— Его вызвал советник Сорхан, мой принц. Срочная проверка внешней смены у северных ворот. Командир велел передать, что вернется до рассвета.

Сорхан. Личный страж отца, его доверенное лицо и старый соратник, не стал бы дергать людей по пустякам, а Кадар никогда не оставил бы у этой двери случайного человека. Этого юношу Нейвар уже видел рядом со своими людьми на тренировочной площадке.

И все же тревога не ушла. Нейвар задержал взгляд на кованой двери. За ней его ждала камера обращения — место, созданное только для него. Глубоко под северным крылом дворца, за тремя рядами запоров, выложенная камнем, с круглой площадкой из темного песка, который принимал на себя избыток огня, если срыв оказывался слишком мощным, и не позволял пламени уйти в стены.

Одновременно укрытие и клетка.

Во время обращения даже Кадар оставался снаружи.

— Отпирай, — приказал Нейвар.

Страж повернул тяжелый ключ, и бронзовая створка ушла в паз без единого скрипа. Изнутри пахло сухим теплом: камень еще хранил жар после прошлой пятой ночи, а песок будто не успел до конца остыть.

Нейвар переступил порог, и дверь глухо закрылась за его спиной. Камера встретила его тишиной. Круглая площадка располагалась чуть ниже уровня коридора. Черные стены уходили высоко вверх, к узкой решетке, за которой темнела полоска неба. Лунный свет падал на песок в центре, но оставлял в тени дальние ниши. У восточной стены каменная крошка местами спеклась в темное стекло, а на блоках остались глубокие борозды — следы его когтей. Сюда не пускали чужих. Только он, песок и следы прежних срывов на камне.

Нейвар снял верхнее одеяние и оставил его на каменной скамье. Темная ткань с золотой вышивкой соскользнула вниз, прохлада коснулась кожи, и тело тут же ответило новой волной жара.

В этой камере от титула не было толку.

Он ступил на мягкий, податливый песок и закрыл глаза, позволив первому удару пройти через позвоночник. Боль толкнула снизу, сжала легкие, заставила расправить плечи. Левая рука налилась свинцовой тяжестью, пальцы удлинились, под кожей на мгновение проступила темная чешуя и снова ушла вглубь. Дыхание сорвалось: человеческое тело еще пыталось удержать прежний ритм, но плоть уже вспоминала другое.

Сопротивляться было нельзя. Необходимо было переждать первый натиск, дать телу пройти привычный путь и не дернуться раньше времени. Один неверный рывок мог заставить его застрять между формами.

В дальней нише качнулась тень, и Нейвар резко открыл глаза. Второй силуэт отделился от стены справа. Третий возник там, где хранились запечатанные кувшины с водой.

В камере был кто-то еще.

Нейвар хотел позвать стража, но из горла вышел не голос, а низкий сорванный звук. Он ударился о своды и вернулся искаженным эхом. Стыд пришел раньше страха: они видели его таким, застрявшим между человеческим обликом и драконом, без достоинства наследника и без полной силы зверя. Видели то, что он прятал даже от собственных людей.

Нейвар сделал шаг вперед. Колено подогнулось, и он рухнул на песок. Плечи судорожно дернулись, а хвост начал проступать слишком рано, лишая равновесия. Человеческий взгляд еще различал маски и черные плащи, а драконье зрение уже ловило пульс в чужих шеях и считало расстояние для броска.

Один из нападавших поднял руку. На его черной перчатке лежал маленький матовый сосуд, похожий на застывшую каплю темного металла. Тело узнало эту вещь мгновенно. Клеймо у основания шеи, там, где левое плечо переходило в спину, вспыхнуло такой болью, что луна в проеме решетки поплыла перед глазами.

— Кто вы? — выдохнул Нейвар.

Голос получился хриплым, почти животным.

— Кто вас впустил?

Люди в масках не ответили. Один из чужаков опустился на колени у края площадки и быстро провел пальцами по песку. Черты ложились уверенно, без запинки. Этот человек тренировался долго. В тишине камеры зазвучали слова на старом наречии Ордена. Каждое слово врезалось в клеймо, как раскаленный крюк. Нейвар собрал остатки человеческой воли и рванулся вперед. Тело не выдержало, и нераскрытое крыло ударило по воздуху, хвост хлестнул по песку, когти скрежетнули по камню. Один из нападавших отлетел к стене, но знак уже замкнулся.

Сквозь метку в сердце хлынул лед. Это было хуже боли. Собственный огонь Нейвара всегда оставался жаром, даже когда сжигал изнутри. Теперь пламя отступило к горлу и свернулось, будто его дернули за невидимую цепь.

Семь лет ему твердили, что этой цепи больше нет. Семь лет император Халван выслеживал остатки фанатиков и без жалости уничтожал всех, кто был связан с Орденом.

Человек с сосудом заговорил. Голос, измененный магией, звучал глухо и почти спокойно:

— Живым. Ордену он нужен живым.

Второй резко ответил:

— Держи контур. Метка еще сопротивляется.

Нейвар понял главное — они пришли не убить его, а забрать. Он яростно ударил снова, уже вслепую. Один из чужаков выругался, когда песок взметнулся, но не отпустил линию знака.

Сосуд раскрылся, и в тот же миг воздух в камере сжался. Черные стены, песок, маски, полоска неба над головой — все дернулось к одной темной точке. Клеймо рвануло так, словно его выжигали заново, прямо по живому мясу. Нейвар вспомнил дверь, у которой не было Кадара. Они знали все: ночь, камеру, обращение, караул у двери. И тот миг, когда его тело окажется слабее всего.

Внутренности скрутило судорогой пространственного разрыва. Почти раскрывшиеся крылья с сухим хрустом сжались обратно. Человеческий скелет еще не вернулся, драконий застрял на полпути. Его тянуло из камеры, прочь от черного камня, песка и единственного места во дворце, где его срыв еще можно было удержать.

— Контур уходит, — резко сказал один из нападавших. В его голосе явственно зазвучал страх: — Держи!

— Не могу, — прошипел второй голос. — Он ломает метку.

Нейвар не знал, что именно делает. Он просто вцепился в собственный огонь, в боль, в остатки воли — во все, что еще было его.

Не к ним. Куда угодно, только не к ним.

Разрыв дернулся, и пол под ним провалился, но не вниз, а в сторону, будто сам воздух потерял правильное направление.

— Не туда! — выкрикнул один из нападавших.

Нейвар успел увидеть, как человек с сосудом тянется к нему, пытаясь снова замкнуть линию.

Поздно.

Холод ударил в грудь.

Камера исчезла.

На мгновение не осталось ничего: ни камня, ни песка, ни голосов, ни магии.

Потом его бросило в тесноту.

В чужой воздух.

В мир, где не было ни единой искры огня, ни отклика магии.

Глава 1. Черный варан

— Не открывайте контейнер.

Сейра произнесла это прежде, чем Нолан успел коснуться замка. Голос прозвучал негромко, но твердо, и в приемном боксе на мгновение стало совсем тихо. Только где-то в коридоре капала вода из крана, да за окном монотонно шуршал дождь, стекавший по стеклу грязными ручьями.

Металлический ящик стоял посреди помещения, мокрый от дождя и грязных следов чужих рук. На крышке криво держалась наклейка службы изъятия, по боку тянулась свежая царапина, а изнутри донесся такой тяжелый удар хвоста, что стоявший у стены ассистент невольно попятился. В этом звуке чувствовалась отчаянная сила, рвущаяся наружу.

— Его надо осмотреть, — недовольно буркнул старший ветеринар.

Он уже держал пальцы на защелке, но после нового глухого стука все-таки отступил на шаг.

— Надо, — согласилась Сейра. — Но не всей же сменой сразу.

Следующий удар пришелся в стенку ящика. На этот раз слабее, но Сейра услышала в нем не ярость. Ритм был сбитый, почти отчаянный. Так бились не те, кто готов нападать, а те, кто уже знал: любая открывающаяся дверь приносит только новую боль.

Она присела на корточки в двух шагах от решетки. Холод кафельного пола пробился сквозь ткань брюк, но она не шевельнулась. Просто сидела, давая ящере время привыкнуть к ее присутствию.

— Кто его привез? — тихо спросила она, не отрывая взгляда от контейнера.

— Служба изъятия, — ответила ассистентка. — Нашли в частной коллекции без нормальных документов. Хозяин исчез, как только запахло проверкой. В службе сказали, что это крупный варан. То есть очень крупный, понимаешь?

Изнутри донеслось глухое, предупреждающее шипение. Сейра посмотрела на замки, потом на темный потек у вентиляционной решетки. Жидкость на металле была слишком густой и темной для обычной воды.

— Он ранен, — сказала она.

— Поэтому я и хочу открыть бокс! — раздраженно повысил голос Нолан.

— Нет, Нолан. Именно поэтому ты сейчас не будешь пугать его еще больше толпой.

Врач нахмурился, но спорить не стал. За пять лет в центре Сейра заработала не право распоряжаться коллегами, а кое-что полезнее — ей верили, когда она шла поперек протокола. Она работала с животными, которым люди уже успели причинить боль, а потом искренне удивлялись, что страх умеет кусаться.

Слово «агрессивный» она не любила. Слишком часто им прикрывали чужую глупость и неосторожность. Дед говорил проще: испуганное животное сначала надо просто перестать пугать. Когда-то он часами сидел у сарая с раненым псом и запрещал десятилетней Сейре совать руки туда, где живое существо еще не поняло, что его не собираются добивать. Тогда она злилась, но позже усвоила, что иногда лечение начинается с умения не торопиться.

Деда не стало год назад. Дом после него сделался слишком тихим, а в центре всегда находилась работа. Иногда она ловила себя на мысли, что именно поэтому и остается здесь допоздна: тишина комнат пугала ее гораздо сильнее, чем любой разъяренный пациент.

Сейра положила ладони на колени, демонстрируя ящере, что не держит оружия и инструментов.

— Все отойдите от контейнера, пожалуйста.

— Сейра...

— Отойдите. Если он сейчас ударится о стенку еще пару раз, мы будем его не осматривать, а зашивать.

Люди наконец послушались, и вскоре в боксе стало тише, хотя общее напряжение не ушло. За стеклом дежурной кабинки кто-то шевельнулся. В ящике поскребли когти, а затем раздалось короткое, хриплое дыхание.

Сейра заговорила негромко:

— Я здесь. Тебя никто не тронет.

Внутри еще сипели, но хвост больше не бил в металл. Сейра не смотрела прямо в вентиляционную щель — такой взгляд многие хищники считывали как вызов. Она говорила чуть в сторону, ровным тоном, без сюсюканья в голосе. Испуганных зверей такая ласка часто только раздражала.

— Сейчас я открою один замок. Только один. Потом отожду, хорошо?

Она потянулась к ящику медленно. Ответный выпад последовал сразу: внутри что-то тяжело грохнуло, и ассистент дернулся так резко, что подошва его обуви противно скрипнула по полу.

— Не двигайся, — спокойно сказала Сейра, хотя ее собственные пальцы у защелки слегка дрожали.

Еще один удар хвоста, но уже слабее. Сейра открыла первый замок и отступила на шаг.

— Вот, видишь? Я отошла. Никто тебя не трогает.

Со вторым и третьим замком она проделала то же самое: предупреждение, движение, отступление. Почти десять минут ушло только на то, чтобы контейнер перестал вздрагивать от каждого прикосновения к металлу. Когда крышку наконец приподняли с помощью длинной распорки, из темноты показалась массивная голова.

Варан действительно был огромным. Таким большим, что Дрейк невольно сделал шаг назад, а Нолан нахмурился еще сильнее. Почти черная кожа отливала зеленовато-бронзовым, по шее и боку тянулись старые рубцы. Один, слева у основания шеи, выглядел особенно скверно: ткань зажила неровно, будто когда-то ее заставили сомкнуться против собственной воли. Ящер повернул голову, и Сейра смогла рассмотреть его глаза: зеленоватые, с мутным золотым отблеском у узкого зрачка. В них не было той слепой ярости, с которой дикое животное бросается на все, что движется. Он следил за ней неподвижно и напряженно, словно пытался определить, не последует ли новая боль.

— Ну здравствуй, — сказала она очень тихо. — Ты все-таки решил показаться. Какой ты красивый...

Варан медленно разинул пасть: зубы у него были длинные, желтоватые, слишком опасные для любого, кто решил бы сейчас сделать лишний шаг. Однако он не нападал, только предупреждал.

— Да, я вижу зубы, — не двигаясь, проговорила она. — Очень убедительно.

Позади нее кто-то нервно хмыкнул, но Сейра не оглянулась.

— Переводим его в большой вольер. Без сетки и крючьев, аккуратно. Щит держите со стороны хвоста, я пойду ближе к шее. К ране не прикасаться, пока я не скажу.

— Он же тебе пальцы откусит! — прошипел ассистент.

— Если полезу к нему как идиотка, то, конечно, откусит. Но я похожа на идиотку, Дрейк?

На перевозку ушло больше часа. Варан двигался тяжело, рывками, будто каждое усилие отдавалось внутри болью. Он пытался разворачиваться к людям здоровым, левым боком, и замирал, если рубец у шеи натягивался. Один раз ассистент слишком быстро поднял прозрачный щит, и ящер ударил хвостом так, что панель гулко прогнулась, а парень едва удержал ее в руках.

Сейра не стала ругаться. Она сделала знак остановиться, присела и проговорила все так же спокойно:

— Тише, тише... Никто тебя не тронет, мы просто хотим помочь. Иди сам.

Он двинулся не сразу, но все же пошел. Один шаг, затем еще. Когти тихо скребли по холодному полу, и Сейра невольно задерживала дыхание, боясь, что он снова сорвется.

Через некоторое время варан наконец оказался в изолированном боксе с теплым камнем, водой и затемненным углом, где мог спрятаться от света. Осмотр провели неполный: обезвоживание, истощение, старые травмы, воспаление вокруг рубца на шее. Сильно подавлять его препаратами Сейра не позволила. Дозу оставили минимальную, только чтобы обработать края раны и снять часть мучений.

Нолан посмотрел на нее поверх маски. Под глазами у него уже залегла усталость: такие привозы редко заканчивались быстро и красиво.

— Ты была слишком осторожна. Мы потратили кучу времени на этого варана.

— Мы потратили время не на варана, а на то, чтобы он не решил, что мы очередные идиоты, которые пришли причинять ему боль.

— Ты это по его глазам поняла, что ли?

— Нет. По хвосту, по дыханию, по тому, как он не защищает рану, а будто ждет, что туда ударят снова. — Она помолчала, затем неохотно добавила: — И по глазам тоже.

Нолан хотел возразить, но лишь махнул рукой и кивнул ассистентке, безмолвно приказывая подать раствор.

Варан все это время лежал в дальнем углу вольера, но не спал. Сейра видела золотистый отблеск зрачка между складками темной кожи. Когда она приблизилась с длинным инструментом и марлей, хвост ящера тут же предупреждающе поднялся на несколько сантиметров над полом.

— Я не буду трогать руками, — тихо сказала она. — Но нам надо промыть рану.

Он, конечно, не понимал человеческих слов, но ей почудилось, что после ее голоса он слегка успокоился. По крайней мере, хвост медленно опустился на пол и замер.

Марля, закрепленная на длинном зажиме, мягко коснулась кожи у рубца. Мышцы под темной шкурой мгновенно собрались для удара. Сейра замерла: не продвинула инструмент дальше, но и не отдернула его слишком резко. Просто ждала, давая ему привыкнуть.

— Вот так, — прошептала она. — Сначала надо перестать тебя пугать.

После смерти деда она почти не произносила эту фразу вслух. И теперь эти слова отозвались в груди острой болью потери. Она вспомнила, как он сидел на старом табурете у сарая, курил самокрутку и тихо говорил: *«Живое существо чувствует твою спешку. Оно думает, что ты торопишься его добить»*. Тогда ей было десять, и она злилась на его бесконечное терпение. Теперь понимала — это было не терпением, а уважением.

Варан затих в своем углу, не сводя с нее тяжелого взгляда. Сейра вдруг поймала себя на странном ощущении: он как будто не просто следил, а запоминал.

Она немного постояла рядом, проверила повязку, отметила в карте реакцию на обработку и заставила себя выйти. В центре ждали другие пациенты: обезьяна после операции, старая сова с перебитым крылом, две черепахи из очередной нелегальной перевозки. Работы хватало.

И все же ее почему-то упрямо тянуло возвращаться именно к этому вольеру. Она то и дело ловила себя на том, что задерживается у стекла дольше, чем требовалось.

— Ты прямо влюбилась в этого варана, — заметил Дрейк как-то вечером, проходя мимо.

Сейра в этот момент проверяла записи температуры на мониторе. Третий сбой за сутки: то резкий подъем, то падение, которое не укладывалось ни в одну нормальную биологическую реакцию рептилий.

— Это необычный варан, — рассеянно ответила она, не поворачивая головы.

— И все же он просто варан, только очень крупный.

— Я в курсе, Дрейк.

Ассистент ушел, а Сейра еще некоторое время стояла у прозрачной панели. В боксе было тепло, лампы давали ровный мягкий свет, вода в тяжелой миске оставалась почти не тронутой. Варан лежал у камня, вытянувшись так, чтобы оберегать поврежденную сторону шеи. На запотевшем участке стекла у самого пола виднелась короткая ломаная царапина. Сейра присела, чтобы рассмотреть ее ближе, и мысленно добавила повреждение вольера к списку того, за что потом придется объясняться с администрацией.

— Ну нет, — сказала она тихо, постучав ногтем по стеклу. — Только имущество мне тут не порть.

Ящер лениво приоткрыл веко. Она выпрямилась.

— Я разговариваю сама с собой. Не обольщайся.

Он, конечно, и не думал обольщаться. Но эти три недели стали для центра настоящим испытанием на прочность. Привыкание Крепыша — как про себя окрестила его Сейра — к цивилизации продвигалось со скрипом, шипением и регулярными попытками разнести бокс в щепки. Сначала ящер принципиально отказывался есть при свидетелях, устраивая голодовку с таким видом, будто это вопрос чести. Затем снизошел до воды, но только если Сейра стояла за стеклом и демонстративно смотрела в потолок.

К концу первой недели они заключили хрупкое перемирие. Крепыш перестал бить хвостом по полу, едва Сейра переступала порог, и даже согласился брать рыбу с длинного пинцета. Еще через неделю Сейра рискнула убрать инструменты и коснуться его ладонью. Дрейк тогда караулил у шлюза с транквилизатором наперевес и бледным лицом, но Крепыш только глухо зашипел, дернул ноздрями и остался лежать, позволив обработать шрам на шее. Это еще не было доверием, до него оставалось далеко. Но ящер уже выделил ее из всей остальной двуногой толпы и больше не ждал удара от каждого ее движения.

Свободное время Сейра теперь старалась проводить в центре, рядом с этой угрюмой чешуйчатой горой. Дома ее никто не ждал, кроме счетов, почти пустого холодильника и темной спальни, где тишина каждый раз оказывалась громче, чем она помнила.

Это давно перестало быть трагедией. Скорее, превратилось в обыденный факт, как остывший чай в кружке или забытые ключи на столе. Но после шумного центра находиться в четырех стенах было особенно сложно. Дед умел заполнять пространство звуками, даже когда молчал: скрипел любимым стулом, перелистывал старый справочник, сердился на помехи в радиоприемнике или ворчал на закипающий чайник. С его уходом тишина в доме сделалась слишком осязаемой.

На двадцатый день после появления Крепыша Сейра впервые за все время уехала домой до полуночи. Приняла душ, честно попыталась уснуть, но через двадцать минут не выдержала, поднялась и вывела на планшет трансляцию с камер наблюдения в боксе.

Ящер не спал: он лежал у самого стекла, повернув голову к двери. Будто ждал.

— Не начинай, — пробормотала она экрану. — Я не поеду обратно только из-за того, что ты решил театрально поскучать.

Но стоило отложить планшет, как на телефон пискнуло сообщение от ночной смены: «У твоего варана скачет температура. Опять».

Сейра натянула джинсы и футболку за минуту, и уже через двадцать влетала в двери центра. Приемный бокс встретил ее слепящим светом и нервными голосами. Варан бился о стену совсем не так, как в первый день в центре. Тогда он защищался от внешнего мира. Теперь его ломало изнутри. Хвост с глухим стуком ударил по полу, массивное тело судорожно выгнулось, рубец у основания шеи потемнел. Дыхание ящера срывалось на свистящий хрип.

— Надо его обездвигить, — испуганно выдохнул дежурный врач. — Он себя убьет. Или нас.

— Нет, — отрезала Сейра.

— Ты что, не видишь? Он сейчас разнесет стекло!

Новый удар подтвердил его слова: вольер вздрогнул, по прозрачной панели с противным треском побежала тонкая белая трещина. Сейра почувствовала, как вспотели ладони, но не отвела взгляда от Крепыша.

— Если мы вколем ему полную дозу в таком состоянии, у него просто остановится сердце.

— У нас нет других вариантов!..

— Есть, — перебила она, уже шагая к шлюзу. — Просто не самый безопасный.

Варан снова всем весом рухнул на пластиковое покрытие бокса и замер, судорожно скребя когтями. Его глаза нашли Сейру сквозь прозрачную перегородку. В этом взгляде не было просьбы о помощи — дикие животные редко просят так, как людям хочется думать — но там плескался чистый, первобытный ужас.

— Откройте внутренний шлюз, — отрывисто бросила она.

— Ты с ума сошла!

— Я войду одна.

— Даже не думай, он тебя разорвет!

— Возможно. Но, если сейчас ему не помочь, он умрет от болевого шока прямо у нас на глазах.

Ночной врач выругался, но все же отступил к панели.

— Даю три минуты. Если он пойдет на тебя...

— Если бросится, блокируй дверь с той стороны.

— Сейра...

— Просто закрой шлюз, Адам. Понял меня?

Она мельком отметила взглядом, где находится аварийная кнопка, хотя отлично понимала: если ящер действительно сделает рывок, пальцы просто не успеют до нее дотянуться. На ходу расстегнула пуговицу на манжете халата, чтобы ткань случайно не зацепилась в шлюзе, и шагнула внутрь до того, как собственный страх заставил ее передумать.

За спиной с тяжелым пневматическим вздохом встала стеклянная створка. Внутри было душно, жарко и пахло лекарствами и влажным нагретым камнем. Варан лежал у самой стены, но все его массивное тело ходило крупной, тяжелой дрожью. Чешуя вокруг рубца на шее казалась темнее, чем прежде.

Сейра медленно, стараясь не производить лишнего шума, опустилась на пол рядом с ним. Сердце бешено колотилось в горле, но она заставила себя сделать длинный выдох. Животные чувствуют чужую панику слишком хорошо.

— Тихо, тихо, Крепыш... Я здесь.

Хвост дернулся.

— Слышишь? Только я и ты.

Он приподнял голову, пасть приоткрылась, по длинным зубам скользнул бледный отблеск лампы. Один выпад — и ящер перекусил бы ей руку или горло. Сейра знала это слишком хорошо, и внутри все сжималось от страха.

Она положила ладонь на пол между ними:

— Я не трону, пока ты сам не позволишь.

Варан задышал резче, со свистом. За стеклом кто-то выкрикнул ее имя, но звук дошел глухо, словно сквозь толщу воды. Сейра передвинула пальцы на несколько сантиметров ближе. Потом еще. Она не смотрела ящерицу в глаза, но следила за ним боковым зрением, считая вдохи, фиксируя каждое подергивание хвоста и отмечая напряжение в передних лапах.

— Спокойно, здоровяк, — очень тихо проговорила она. — Я просто хочу помочь.

Он вздрогнул всем телом, но не отпрянул. Сейра медленно, не делая резких движений, протянула ладонь к поврежденной шее. Ящер замер, и его немигающий взгляд сфокусировался только на ней.

Впервые за все эти дни он смотрел не мимо нее и не сквозь нее. Прямо на нее.

Сейра коснулась кожи у основания его мощной шеи.

— Я хочу помочь, — повторила она.

Под пальцами не оказалось привычного жара, который всегда сопровождает воспаление — там был холод, глубокий и неправильный. Сейра инстинктивно хотела отдернуть руку, но рубец под ее ладонью вдруг вспыхнул изнутри изумрудным сиянием. Варан судорожно выгнулся, тяжело ударил хвостом по покрытию вольера, и в ушах резко заложило. Лампы мигнули. Пространство вокруг исказилось: на долю секунды она увидела не раненого ящера, а гигантскую тень крыла, антрацитовую чешую и вертикальный зрачок, окруженный золотым кольцом.

В следующий миг вспышка ослепила ее окончательно. Опора исчезла.

А в следующую секунду Сейра ударилась обо что-то твердое так сильно, что из груди выбило воздух. Несколько секунд она не могла даже вздохнуть, пытаясь справиться с дурнотой и понять, откуда вокруг взялся этот пронизывающий холод.

Рядом тяжело, шумно дышало что-то колоссальное.

Сейра с трудом подняла голову. На круглой площадке, засыпанной темным песком, лежал дракон. Черная чешуя с глубоким зеленым отливом, мощная складчатая шея, огромные кожистые крылья, которым явно не хватало места в этом каменном колодце. И тот самый рубец, только теперь он темнел на теле существа, которого не существовало ни в одной энциклопедии ее мира.

Дракон медленно повернул к ней голову. На нее смотрели глаза Крепыша.

Сейра все еще сжимала пальцами его шрам, когда за ее спиной с грохотом распахнулась тяжелая дверь и кто-то судорожно выдохнул:

— Наследник вернулся!

А следом другой голос, уже командный и громкий, разнесся под каменными сводами:

— Кадара сюда! Живо!

Глава 2. Наследник вернулся

Смысл слов «Наследник вернулся!» дошел до Сейры не сразу. Перед глазами еще плыли изумрудные пятна, в груди отчаянно не хватало воздуха после падения, а правая ладонь лежала на чем-то холодном, бугристом и до боли знакомом.

Рубец.

Та самая рана у основания шеи, которую она три недели промывала, закрывала стерильными салфетками и осторожно обходила пальцами, боясь причинить лишнюю боль. Значит, Крепыш тоже был здесь.

Она попыталась приподняться и поняла, что не может. Полы белого медицинского халата намертво придавило что-то тяжелое. Сейра машинально дернула ткань, и совсем близко раздался низкий, утробный, болезненный выдох.

Стражники у открытой двери мгновенно замолчали.

Она медленно повернула голову и сначала увидела огромное кожистое крыло — антрацитово-зеленое, неровно сложенное на темном песке. Край жесткой перепонки почти касался ее колена. Дальше шла мощная складчатая шея, широкая грудь, покрытая темными пластинами, и тяжелая передняя лапа, придавившая край ее одежды. Когти глубоко вспороли песок до самого камня.

Это был не варан.

Сейра инстинктивно рванулась назад, но лапа чудовища, хоть и не держала ее намеренно, намертво прижала подол халата. Ткань натянулась до тихого треска.

Стражники у входа зашевелились. Один шагнул вперед, наполовину обнажив клинок, и Сейра испуганно вскинула пустые руки, показывая, что безоружна и сама не понимает, как здесь очутилась.

В этот момент дракон судорожно вздохнул и приоткрыл одно веко. Глаз оказался глубокого зеленого цвета с ярким золотым кольцом вокруг узкого зрачка.

Глаза Крепыша.

Те самые глаза, которые она видела последние три недели: когда уговаривала его выпить лекарство, когда терпеливо ждала, пока он перестанет испуганно молотить хвостом по стенам, когда молча обещала, что больше ни один человек не причинит ему боли.

К горлу подкатил горячий ком.

— Крепыш... — едва слышно выдохнула она.

Имя прозвучало жалко и нелепо под этими каменными сводами. Он, конечно, не мог быть ее вараном. И все же это был он.

— Зовите Кадара! — снова донеслось от двери.

И только теперь Сейра с ужасом осознала, что понимает смысл этих слов. Сам язык был совершенно незнакомым, с резкими, рубящими согласными и гортанно-певучими гласными, но в ее голове он мгновенно превращался в четкие фразы. В другой ситуации это заставило бы ее усомниться в собственном рассудке. Сейчас она только отметила эту аномалию и снова посмотрела на огромное существо у своих ног.

У двери послышался топот ног, и в следующую секунду в камеру вошел новый отряд воинов в темных кожаных доспехах, с короткими клинками у бедер. Они замерли на пороге, переводя взгляд с дракона на Сейру.

Она понимала, что доверия ее вид не внушает: домашняя футболка, джинсы, перепачканный песком медицинский халат и лицо человека, который последние десять минут пытался не сойти с ума.

Стоящий впереди страж прищурился: его взгляд задержался на огромной лапе, лежащей на краю странной белой одежды.

— Ты кто такая? — угрожающе спросил он. — Что ты сделала с наследником?

Сейра судорожно сглотнула.

— Я ничего не сделала, — ответила она охрипшим голосом.

Караульный шагнул ближе. Огромный ящер вдруг повел головой на звук — медленно, тяжело, но этого хватило, чтобы мужчина застыл на месте.

— Отойди от него, — приказал воин.

Сейра скосила глаза на придавленный подол и едва удержалась от нервного смеха:

— Я бы с радостью, но...

Она снова попыталась осторожно высвободить ткань. Дракон тут же издал низкий, сдавленный стон, его когти глубже ушли в песок. С темной поверхности взметнулась сухая пыль, у дальней стены с тихим шорохом посыпалась каменная крошка.

Люди у дверей попятились, а Сейра замерла. Одно резкое движение, и зверь попытается подняться. Или ударит крылом, хвостом, подмяв под себя всех, кто находится в этой каменной ловушке. Включая ее саму.

— Не двигайтесь, — выдохнула она.

Она сама не поняла, к кому обращается: к воинам или к раненому чудовищу.

— Я говорю тебе, прочь от наследника, — повторил караульный, но уверенности в его голосе побавилось.

— Не могу. Я застряла.

— Так сними свой белый плащ!

Сейра посмотрела на него так, как обычно смотрела на владельцев, которые в операционной предлагали «просто держать собаку крепче».

— Вы хотите, чтобы я начала резко двигаться рядом с огромным, раненым драконом?

Мужчина поджал губы.

— Она говорит на нашем языке, — негромко донеслось от входа.

— И появилась вместе с ним из разрыва...

— Может, она удерживает его?..

— Или подчинила своей воле.

Сейра нахмурилась, потом снова осторожно подняла руки и развела пальцы, показывая пустые ладони.

— Я никем не управляю. И даже не представляю, где нахожусь.

Дракон снова содрогнулся: его мощная шея напряглась, рубец потемнел, наливаясь багровым. Сейра слишком хорошо узнала этот сигнал. Он сейчас сорвется. Не ради атаки. От боли.

Она медленно, сантиметр за сантиметром, опустила руки.

— Не смей трогать его! — рявкнул страж.

Сейра застыла на мгновение. Но дракон выгнулся сильнее, и она все-таки коснулась его, как делала это десятки раз в боксе. Ладонь привычно легла на поврежденную кожу у основания шеи.

— Тихе, — прошептала она. — Я здесь.

Дракон успокоился не сразу, но его огромное тело перестало судорожно выгибаться, а рваное дыхание на несколько секунд стало ровнее.

— Она точно его контролирует, — глухо произнес какой-то стражник.

— Связывает какой-то магией, — добавил другой, крепче сжимая рукоять клинка.

Мужчина впереди сделал еще один осторожный шаг:

— Убери руку от наследника.

Сейра перевела взгляд на чудовище рядом с собой:

— Если уберу, ему станет хуже.

— Откуда тебе знать?

— Я только что убирала. Вы разве не заметили? — съязвила она.

Вместо ответа он потянулся к рукояти клинка.

Дракон негромко — для такого исполина — зарычал. Те, кто толпился у входа, почти вжались в каменную стену. Смельчак тоже застыл, резко побледнев.

Под ладонью Сейры снова прошла горячая дрожь.

— Видите? — сказала она тише. — Он реагирует на вас, а не на меня.

За дверью послышались быстрые шаги. Кто-то приближался почти бегом. Через мгновение в камеру вошел мужчина в темной одежде. На вид ему было около тридцати. Высокий, широкоплечий, с коротко стриженными темными волосами и резкими красивыми чертами. На его лице не было паники, но по сбитоному дыханию стало ясно, что он бежал.

Его взгляд сначала скользнул по дракону: крыло у стены, пульсирующий рубец под ее ладонью, придавленный край халата, глубокие борозды в песке. Потом прошелся по Сейре, отметив странную одежду, перепачканное лицо, светлые волосы, давно выбившиеся из хвоста.

На стражников он посмотрел в последнюю очередь.

— Всем выйти.

Стоявший впереди резко повернулся к нему:

— Командир, она появилась вместе с ним прямо из разрыва...

— Выйдите.

— Но она...

Мужчина посмотрел на него так, что страж замолчал.

— Бомрэн, останешься на часах за дверью. Без моего личного разрешения никого не пускать. Немедленно позовите лекаря наследника. А теперь все наружу. Живо.

Возражений больше не последовало. Один за другим стражники покинули камеру. Бронзовая створка глухо закрылась, оставив Сейру наедине с раненым существом и высоким незнакомцем.

— Что с ним? — спросил командир.

Сейра моргнула. Не *«кто вы такая»*. Не *«что вы с ним сделали»*. Похоже, этого человека в первую очередь волновало состояние дракона.

Она ответила не сразу. Внутри все кричало от желания спросить, где она, почему понимает чужую речь, почему вместо привычного варана рядом лежит дракон и кто вообще все эти люди. Но его вопрос зацепил единственное, на что она еще могла ответить профессионально.

— Ему больно, — сказала она после паузы. — Дыхание сбито, крыло зажато теснотой, рубец остро реагирует на любое прикосновение. Когда я попыталась убрать руку, ему стало хуже.

Мужчина посмотрел на ее пальцы. Выражение лица осталось бесстрастным, но челюсть заметно напряглась. Очень медленно он опустил на одно колено у края площадки, не приближаясь вплотную.

— Нейвар, — негромко позвал он.

Дракон едва приоткрыл веко.

Сейра не стала делать выводов. Не сейчас. Но имя прозвучало не как команда. Так обращались к близкому другу. Она впервые за все это время глубоко выдохнула. Кажется, прямо сейчас ее убивать не собираются. Все остальные вопросы пока оставались без ответов, но от этой мысли стало немного легче.

— Я с тобой, — сказал мужчина дракону.

Дракон снова закрыл глаза. Рубец под ладонью Сейры дернулся сначала ледяным холодом, затем обжигающим жаром. Она стиснула зубы, но руку не убрала.

Командир перевел взгляд на нее. Его глаза смотрели тяжело и неприветливо, но в них не было той слепой ярости, которую она видела у остальных.

— Кто это сделал с ним? — спросил он.

Сейра застыла. Он не требовал признаний, не называл ее ведьмой или колдуньей, или как здесь вообще называют женщин, появляющихся из ниоткуда рядом с драконами. Он просто спрашивал, *кто* причинил Нейвару зло.

— Вы разве не спросите, не я ли это сделала? — вырвалось у нее.

Она поняла, насколько глупо это прозвучало, почти сразу. Она сидела на песке в грязных джинсах и мокрой футболке рядом с невероятным существом, которое одним движением хвоста могло размазать ее по черному камню. Опасная злодейка, ничего не скажешь.

Но мужчина ответил серьезно:

— Я хорошо знаю Нейвара.

— Что вы имеете в виду?

— Если бы это сделали вы, он не позволил бы вам сидеть у своей шеи. Даже в таком состоянии.

Сейра не рассмеялась лишь потому, что побоялась, что вряд ли сможет потом остановиться. Накатывала обычная истерика после шока.

— Он просто придавил лапой мой халат, — сказала Сейра, стараясь говорить ровно. — Это немного не то же самое, что доверие.

— Для Нейвара сейчас это больше, чем вы способны понять.

Он сказал это сухо, без попытки ее утешить. И Сейре стало не до смеха.

— Я ничего плохого с ним не делала. Точнее... — Она запнулась. — Я выхаживала его. Думала, он варан. Слишком большой, странный, с жутким воспалением, но все-таки варан. Он почти три недели был у нас в реабилитационном блоке. До этого его привезла служба изъятия из какой-то частной коллекции. Где он был раньше и сколько пробыл в моем мире до центра, я не знаю.

Мужчина нахмурился:

— Ва...ран?

— Да.

— Три недели?

— У нас — три. До этого, возможно, еще сколько-то. Я не знаю.

— Здесь прошло не больше получаса, — произнес он скорее себе, чем ей.

Сейра уставилась на него:

— Но как...

Она вовремя прикусила язык, нервно сглотнула и мотнула головой.

— Ладно. Пространственные аномалии и разница во времени. Почему бы и нет.

Кадар ее юмора не оценил. Возможно, в этом мире не принято шутить над временными разрывами рядом с едва живым наследником престола.

— Как вас зовут?

— Сейра.

— Я Кадар.

— Я так и поняла.

Дракон снова тяжело втянул носом воздух. Крыло у стены судорожно дернулось, когти глубже ушли в песок, царапая камень.

— Ему нужна вода, — сказала Сейра быстрее, чем успела испугаться собственной дерзости. — И чистая ткань. Но сначала нужно дать крылу место. Оно зажато теснотой, он каждый раз дергается, пытается его расправить и делает себе хуже.

Кадар посмотрел на изломанное кожистое крыло:

— Откуда вы это знаете?

Сейра хотела привычно ответить, что она ветеринар. Но в чужом языке такого понятия словно не существовало. Смысл внутри был, а готового слова — нет.

— Я... лекарь для зверей, — наконец сказала она и поморщилась. — Для тех, кто не умеет говорить. Диках ящеров тоже лечу.

— Ящеров? — Кадар едва заметно приподнял бровь.

— Змей, черепах... Всех, кто пытается откусить тебе пальцы, когда страшно.

Он перевел мрачный взгляд на ее ладонь, все еще лежавшую на пульсирующей отметине Нейвара:

— Помогите ему. Он должен выжить.

Сейра сглотнула, в горле внезапно пересохло:

— А если он умрет?

Кадар долго смотрел на нее, не мигая. Потом ответил:

— Тогда вы тоже.

Глава 3. Не трогать ее

Сейра смотрела на Кадара и ждала, что он добавит хоть что-нибудь: объяснит, смягчит свои слова или хотя бы признает, что это звучит как неприкрытая угроза. Но он молчал, и становилось предельно ясно: если Нейвар умрет, она сама тоже не выйдет отсюда живой.

В другое время она, наверное, возмутилась бы. Спросила бы, с какой стати ее жизнь теперь напрямую зависит от этого огромного существа, которого еще утром она считала обычным вараном, и кто вообще дал этим людям право распоряжаться ее судьбой. Но рядом тяжело, со свистом дышал дракон, и каждый его вдох давался с таким видимым мучением, что на споры просто не оставалось времени.

— Мне нужна вода и чистая ткань, — сказала она, и ее голос прозвучал куда спокойнее, чем она себя чувствовала в этот момент. — И проследите, чтобы сюда никто не врвался. Он слишком остро реагирует на любое движение.

Кадар не стал спорить. Он быстро передал приказ за дверь и вернулся к краю песочной площадки:

— Воду сейчас принесут. Личный лекарь наследника уже ждет у входа.

— Он не войдет?

— Эйвен привык работать с ним в человеческом облике, — сухо пояснил Кадар.

— Тогда это вполне разумно.

Сейра провела сухим языком по пересохшим губам и снова повернулась к Нейвару. Огромное создание уже никак не вязалось в ее сознании с понятием «ящер», но мозг упрямо цеплялся за привычные ветеринарные маркеры: изумрудный отблеск чешуи, тяжелый ритм дыхания и это яростное, глухое сопротивление боли.

— Ну что, Крепыш, — тихо позвала она, намеренно используя старое имя. — Кажется, у нас появился план. Плохой, совершенно непонятный, но все-таки план.

Кадар резко обернулся и прищурился, вглядываясь в ее лицо:

— Что еще за... *Крепыш*?

— Потом объясню, — устало отмахнулась она. — Если мы оба доживем до этого «потом».

Необходимое принесли быстро. Кадар сам забрал чашу с водой и белую ткань у стражи и поставил их рядом с ней на песок.

— Что мне делать? — спросил он, присаживаясь рядом.

— Немного намочите край ткани, но сильно не отжимайте.

Он послушно выполнил указание и протянул ей мокрое полотно. Сейра перехватила его свободной рукой, мимоходом отметив, что ее собственные пальцы дрожат уже не так крупно, как несколько минут назад.

— Если он позволит, я поднесу воду к пасти. Вы только стойте смирно и ничего не предпринимайте, даже если вам покажется, что он собирается откусить мне руку.

— Если он действительно решит вас укусить, я все равно ничего не успею сделать, — бесстрастно заметил Кадар.

— Что ж, утешение так себе, зато честно.

Сейра медленно, сантиметр за сантиметром, протянула влажную ткань к пасти Нейвара. Оказаться так близко к длинным, острым зубам было настоящим безумием, все ее внутренние человеческие инстинкты буквально орали об опасности, но отпрянуть сейчас означало сорвать хрупкое равновесие.

— Это просто вода, — заговорила она с той самой мягкой, убаюкивающей интонацией, которой три недели успокаивала его в вольере. — Ну же, попей немного.

Дракон принял помощь: язык медленно коснулся мокрой ткани. Кадар не изменился в лице, но Сейра боковым зрением заметила, как побелели его пальцы на чаше.

Они поили его несколько раз. Постепенно дыхание Нейвара становилось глубже, крыло перестало биться о стену, а когти больше не вспарывали песок яростно. Когда дракон немного успокоился, Кадар кивнул:

— Теперь можно впустить Эйвена.

Лекарь вошел быстро, с тяжелой кожаной сумкой через плечо. Прямые темные волосы были аккуратно убраны назад, узкое лицо было серьезным, а внимательные темные глаза смотрели цепко и собранно. Он сразу опустился на колени у самого края песочной площадки и принялся осматривать Нейвара — профессионально, сосредоточенно, почти не глядя на Сейру.

— Сколько времени его не было? — спросил Эйвен, не прерывая осмотра и осторожно ведя ладонью над темной чешуей у основания шеи.

— Здесь прошло не больше получаса, — ответил Кадар, не сводя глаз с принца. — Она уверяет, что в ее мире они провели почти три недели.

Эйвен удивленно вскинул голову:

— Три недели?

— Не сейчас, — остановил его Кадар.

Лекарь снова склонился над Нейваром.

— Обращение сорвано, — наконец произнес он. — Тело вернулось, но форма еще не стабилизировалась. Магия тянет его обратно в человека, а клеймо усиливает боль.

— Такними его! — резко бросил Кадар.

В его голосе впервые за все время прорвалось что-то глубоко личное. Эйвен посмотрел на него с усталым пониманием:

— Если бы я был в силах снять это клеймо, Кадар, я сделал бы это еще семь лет назад, — тихо ответил он.

Семь лет.

Сейра молчала, глядя на мощную шею дракона. Эти два слова тяжело отозвались в ней. Значит, это была не новая рана, Нейвар жил с этой болью уже долгие годы.

Эйвен осторожно потянулся к шее, но дракон напрягся еще до прикосновения. Кадар предостерегающе качнул головой.

— Похоже, в таком состоянии он не позволит мне прикоснуться, — вздохнул лекарь.

— В моем мире он тоже никого не подпускал, — тихо сказала Сейра. — Кроме меня.

Оба мужчины повернулись к ней, и она вдруг отчетливо поняла, насколько нелепо все это выглядит: она сидит на песке рядом с драконом и объясняет его людям, кого он готов подпустить к себе.

— Когда он был в форме варана, — все же продолжила она, — то терпел только меня. Я три недели выхаживала его. Думала, что это просто очень крупный и странный ящер.

Эйвен внимательно посмотрел на ее ладонь, все еще лежавшую на рубце:

— Вы делали что-то особенное?

— Держала руку на месте, которое считала застарелой травмой, и пыталась не поддаваться панике. С медицинской точки зрения метод более чем сомнительный.

Лекарь удивленно моргнул и переглянулся с Кадаром. Тот лишь коротко развел руками.

— Она лечит животных, — пояснил он так, словно этот факт сразу все объяснял.

— Лекарь для животных — задумчиво повторил Эйвен, теперь разглядывая ее с откровенным любопытством.

— Ну да, а что в этом такого? — раздраженно отозвалась Сейра. — Зверям тоже бывает больно и плохо. Взять хотя бы вашего наследника... — она осеклась, понимая, что в данных обстоятельствах сравнение прозвучало, мягко говоря, двусмысленно. Но потом договорила: — Я выхаживала его три недели. Просто не знала, кто он такой на самом деле.

Кадар коротко выдохнул через нос, но развивать тему не стал.

— И он узнавал ваш голос? — спросил Эйвен.

— Да. Гораздо раньше, чем прикосновения.

— А когда вы убрали руку?

— Ему мгновенно стало хуже. Не спрашивайте почему, я сама не понимаю механизма, но это видели все.

Эйвен нахмурился:

— Кадар, при ней его состояние заметно стабилизируется.

— Но в чем причина?

— Не знаю.

— Эйвен...

— Да не знаю я! — не выдержал лекарь, всплеснув руками. — Клеймо реагирует на ее присутствие, это все, что я могу зафиксировать. Она оказалась рядом в момент прорыва, когда Нейвар вернулся. Возможно, его сознание само зацепилось за нее: за этот голос и за сам факт безопасности в ее присутствии. Но если ты сейчас уберешь ее отсюда, Кадар, он рискует снова сорваться.

— Простите, но что значит «снова сорваться»? — Сейра перевела взгляд на массивную голову рядом с собой. — Он ведь и так дракон.

— Не до конца. Плоть вернулась, но процесс завис. Магия тянет его обратно к человеческой форме, а боль от клейма — в другую сторону. Если сейчас произойдет сбой, он может просто застрять между формами.

— «Застрять» звучит так себе...

— Вы даже представить не можете, насколько, — глухо отозвался Кадар.

А потом началось обращение. Дракон тяжело ударил лапами по песку. Темная чешуя на шее начала бледнеть, уходить под кожу. Массивное крыло судорожно содрогнулось и стало медленно складываться.

— Он обращается, — резко сказал Эйвен.

Дракон тяжело ударил лапами по площадке. Песок взметнулся серой тучей, увлекая Сейру вперед вместе с полами ее халата. Она едва удержала равновесие, чтобы не рухнуть лицом прямо на жесткие костяные наросты.

— Не двигайтесь! — приказал Кадар.

— Попробовали бы вы сами устоять на моем месте!

— Скажи, что ей делать прямо сейчас, Эйвен.

— Говорить с ним, — быстро ответил лекарь. — И ни в коем случае не убирать руку.

Сейра осторожно наклонилась ближе к огромной голове:

— Слышишь меня? Это я. Я здесь, рядом...

Она говорила тихо и спокойно, точно так же как разговаривала с ним в вольере. Голова дракона опустилась на песок. Чешуя сходила с лица, открывая смуглую влажную кожу, резкие скулы и темные волосы, мокрыми прядями прилипшие ко лбу. Когти втянулись, превращаясь в человеческие пальцы.

— Еще немного, — выдохнула она. — Потерпи чуть-чуть.

Она мельком оглянулась на мужчин. Эйвен оставался на месте, но не смотрел на Нейвара, отвернувшись к двери. Кадар уже снял с плеч свой тяжелый темный плащ и держал его наготове.

Сейра снова посмотрела на дракона и на секунду затаила дыхание. Теперь перед ней лежал мужчина — молодой, с правильными, мужественными чертами лица. Красивый. Это осознание пришло настолько внезапно, что она даже разозлилась на себя за подобную несвоевременную мысль.

Кадар одним точным движением накрыл его плащом, скрывая обнаженное тело от посторонних глаз. В следующее мгновение Нейвар схватил ее за запястье. Его рука была обжигающе горячей и заметно дрожала. Сейра замерла, и в тот же миг он открыл глаза: та же глубо-

кая темная зелень, золотистое кольцо вокруг зрачка и такая боль, словно он из последних сил удерживал остатки разума.

— Кадар, — едва слышно прошелестел он.

Командир тут же опустился на колено рядом:

— Я слушаю, господин.

Нейвар медленно перевел взгляд на Сейру. Она не понимала, кого он сейчас видит: чужую женщину в испачканной одежде или ту самую чудачку, которая называла его Крепышем и часами сидела у вольера. Его пальцы плотно сомкнулись на ее руке — не больно, но достаточно крепко, чтобы она не могла вырваться.

— Не трогать ее, — выдохнул принц. Голос был низким, прерывистым, но теперь почти человеческим.

Кадар почтительно склонил голову:

— Как прикажете, мой господин. Никто ее не тронет.

— Господин, — позвал Кадар, подавшись вперед. — Нейвар...

Нейвар попытался сказать еще что-то, но силы окончательно оставили его. Голова бесильно откинулась на песок, и тело обмякло под плащом. Сейра инстинктивно потянулась к его шее, нащупала под пальцами ровный, хоть и слабый пульс, и только в этот момент осознала, что ее собственное тело дрожит так, словно холод подвального камня успел пробраться под кожу.

— Он потерял сознание, но жив, — констатировала она, убирая руку. — Но теперь ему нужен ваш лекарь, а не мои навыки.

Эйвен уже раскрывал свою сумку:

— Теперь вы тоже ему нужны, госпожа Сейра.

— Простите?

— Если я начну лечить его без вашего присутствия, боюсь, он снова сорвется в драконью форму, — пояснил Эйвен. — Его состояние слишком нестабильно, и нам предстоит выяснить, почему и как это исправить.

— Значит, она остается, — решил Кадар и поднялся с песка.

Сейра посмотрела на лежащего без памяти Нейвара, на его пальцы, обхватившие ее руку, затем на лекаря, который выглядел не просто встревоженным, а по-настоящему растерянным.

— Как будто у меня есть, куда идти в этом мире, — едва слышно пробормотала она себе под нос.

Кадар с глухим стуком отодвинул тяжелый засов:

— Мы переносим наследника в его покои, — коротко приказал он стражам, стоявшим за порогом.

Затем он посмотрел на нее тяжелым, но уже не враждебным взглядом:

— Вы идете с нами. Отныне ваша жизнь принадлежит наследнику.

Глава 4. Под защитой Огня

— Принесите носилки, — донесся из-за двери голос Кадара. — Северный двор очистить. Никого на пути быть не должно.

Приказы сыпались один за другим, коротко и веско. За порогом сразу началось движение, и Сейра снова удивилась, насколько безмолвно и быстро в этом месте исполняют любые его распоряжения. В ушах все еще звенели недавние слова: «*Отныне ваша жизнь принадлежит наследнику*». В ее мире человеку, оказавшемуся в незнакомом месте, обычно предлагали воду, теплое одеяло и хотя бы минимальное объяснение. Здесь же ей сходу обеспечили дракона, угрозу смерти и принадлежность мужчине, который еще час назад был огромным черно-зеленым ящером. Очень гостеприимно. Почти санаторий.

Вошедшие стражи были безупречно вышколены: они старались не задерживать взгляд ни на раненом принце, ни на чужой женщине и молча выполняли свою работу. Эйвен отрывисто указывал, как правильно приподнять пострадавшего, где придержать плечо и на какие участки груди нельзя давить, а Кадар бдительно следил за каждым их движением. Когда Нейвара аккуратно переложили, его пальцы сильнее стиснули запястье Сейры, заставив ее поморщиться от боли.

— Больно? — мимоходом спросил лекарь, заметив ее гримасу.

— Терпимо, — слабо улыбнулась она.

Сейра шла вплотную к носилкам вверх по широким каменным ступеням, подстраиваясь под размеренный шаг гвардейцев. Позже — если это туманное «позже» вообще когда-нибудь наступит — она обязательно задаст свои вопросы: где она оказалась, почему без труда понимает их язык и каким образом три недели ее жизни здесь спрессовались в несчастные полчаса. Сейчас же нужно было просто идти ровно и не дергать травмированную руку.

Ступени вывели их на открытую галерею, в ночную прохладу. Над пустым, вымощенным плитами двором висела огромная, неестественная бледно-зеленая луна, заливая призрачным светом темный камень, массивные колонны и силуэты бронзовых ящеров под карнизами. Острые, круто изогнутые края крыш неумолимо напомнили ей декорации к азиатским историческим сериалам, вот только здесь все ощущалось куда тяжелее, монументальнее и опаснее. Красные деревянные балки почти чернели в этом странном сиянии, а за стенами отчетливо проступали шпили башен.

Сейра подняла взгляд к чужому небу и окончательно осознала, что это не сон. Никакое, даже самое детальное сновидение не смогло бы так осязаемо передать твердость плитки под подошвами, пульсирующую боль в запястье и невероятную луну над незнакомым дворцом.

Северные покои встретили их тишиной и теплом. Воздух здесь был густым, напоенным ароматом дорогой древесины, горьких целебных трав и едва уловимых благовоний. Комната поражала своими масштабами, но Сейра отметила лишь детали: тяжелый шелковый полог у широкого ложа, темно-зеленую ткань, уходящую в черноту в складках, тонкие золотые нити по краям ширм и изваяние бронзового дракона, нависшего над самым изголовьем. Проходя мимо постели, она случайно задела край плотной занавеси — прохлада плотного шелка показалась ей чужеродной. Сейра поспешно отдернула пальцы, словно это мимолетное прикосновение было лишним, болезненным напоминанием о том, как далеко она оказалась от дома.

Нейвара переложили на шелковые простыни. Стражи тут же бесшумно покинули помещение, а Кадар задержался у порога, вполголоса отдавая распоряжения внешнему караулу. Эйвен уже склонился над телом принца.

— Свет, — коротко бросил лекарь в темноту.

Пламя в глубоких бронзовых чашах у стен послушно вспыхнуло ярче. Сейра даже не успела заметить, как именно это случилось — в этом безумном мире огонь, казалось, подчинялся приказам гораздо охотнее, чем она сама.

— Мне необходимо осмотреть его полностью, — пробормотал Эйвен себе под нос.

В следующий момент он одним точным, профессиональным движением распахнул плащ на груди Нейвара, как врач разрезает одежду на операционном столе, когда дорога каждая секунда. Сейчас для него перестали существовать условности, остались лишь ритм дыхания, клеймо, остаточный след чешуи и жизнь, которую требовалось удержать любой ценой.

Сейра тоже поначалу смотрела исключительно как специалист: автоматически оценивала рваные вдохи, темную, воспаленную вязь клейма у основания шеи, над левым плечом, дрожь в плечевом поясе, остатки чешуи по левому плечу и ключице и судорожное напряжение брюшной стенки. А мгновение спустя до нее дошло, что перед ней лежит полуобнаженный мужчина.

Широкий разворот плеч, крепкая грудь, смуглая кожа и плоский живот, мышцы которого все еще мелко вздрагивали после пережитого приступа. В его фигуре не было тяжести, но в каждой линии угадывалась скрытая сила, пусть сейчас он и выглядел чрезмерно изможденным. Сейра вдруг поймала себя на том, что разглядывает наследника слишком откровенно и далеко не с медицинским интересом.

— Отвернитесь!

Голос Кадара прозвучал так резко и неожиданно, что она вздрогнула. Он уже стоял рядом — неподвижный, с выражением лица человека, заставшего ее за чем-то глубоко неподобающим.

— Я... — начала Сейра и тут же осеклась.

Сказать банальное «я врач» было бы удобнее всего, и это даже не являлось бы ложью. Вот только щеки предательски горели, а тяжелый взгляд Кадара ясно давал понять: последние несколько секунд ее осмотр не имел к ветеринарии никакого отношения.

Эйвен, не прерывая своих манипуляций, сухо обронил:

— Оставь ее, Кадар. Она лекарь. Пусть и для животных.

— Вот спасибо, — тихо пробормотала Сейра, отворачиваясь к ширме и становясь спиной к постели. — Очень поддержали.

Кадар промолчал, но его молчание больше походило на официальный выговор.

Сейра стояла лицом к резным деревянным узорам, чувствуя, как ее наконец-то накрывает волна запоздалого, леденящего шока. Пока приходилось действовать, отдавать команды и отчаянно цепляться за спасительный сарказм, внутреннюю панику удавалось сдерживать. Но стоило замереть без дела, и внутри задрожало так сильно, что захотелось просто сесть на пол и закрыть лицо руками. Собственно, поэтому она и продолжала явзвить в мыслях, иначе стало бы совсем страшно. Ее жизнь теперь официально принадлежала наследнику, который валялся без сознания. Вокруг — непонятные люди, магия, чужой замок, зеленая луна и строгий страж нравственности в комплекте. А она, по большому счету, успела рассмотреть только плечи. Обидно.

— Можете повернуться, — раздался за спиной голос Эйвена.

— Уверены? — спросила она, не двигаясь. — Или мне лучше сначала получить письменное разрешение у господина в черном?

— Вам лучше не испытывать мое терпение, — раздался предупреждающий голос Кадара.

— Уже поняла, — буркнула она, наконец поворачиваясь. — Здесь это, кажется, местная валюта.

— Что?

— Ничего.

Нейвар уже был накрыт ниже пояса темной шелковой тканью, но его грудь и левое плечо оставались открытыми. Сейра заставила себя смотреть строго туда, куда требовал профессиональный долг: на поврежденную плоть, ритм вдохов и бледное лицо. Не ниже. Только не ниже.

Эйвен осторожно приложил пальцы к самому краю темной отметины. Наследник не пришел в себя, но его дыхание мгновенно стало более тяжелым и прерывистым.

— Пока не прикасайтесь, — остановила его Сейра.

Лекарь послушно убрал руку без лишних возражений.

— Значит, придется действовать через вас.

— Что значит, через меня?

— Я попробую ослабить приступ. Напрямую работать с клеймом я сейчас не могу — его тело отталкивает мое воздействие. Но ваше присутствие оно терпит. Возможно, получится подействовать через этот контакт.

Сейра медленно, шумно выдохнула:

— Вы хотите, чтобы я помогала блокировать магический контур на человеке-драконе, потому что он не подпускает к себе личного лекаря, но почему-то терпит меня?

— Да.

— Просто уточнила. А то вдруг я упустила момент, когда это превратилось в адекватный план.

Эйвен едва заметно улыбнулся. Улыбка вышла усталой и погасла почти сразу.

Кадар сделал шаг ближе к постели:

— Хватит болтать. Что конкретно ей делать?

— Пока просто удерживать контакт и сразу говорить, если изменится глубина вдоха. Затем я попробую снять жар с метки через внешний круг.

— Через внешний круг? — переспросила Сейра.

— Это лечебный контур, — пояснил Эйвен. — Я не буду трогать саму метку. Только сниму лишнее тепло с края.

— Хорошо, — выдохнула она. — После сегодняшнего я предпочитаю уточнять до того, как что-то снова начнет светиться, гореть или превращаться.

Оба мужчины молча уставились на нее.

— Неважно, — устало отмахнулась она свободной рукой.

Эйвен, кажется, уже начинал адаптироваться к ее странным формулировкам, но Кадар пока внутренне сопротивлялся. Лекарь взял с низкого стола тонкое металлическое кольцо, покрытое мелкими насечками. Он положил его не на самую воспаленную кожу, а рядом, на ткань у плеча Нейвара, и плавно провел над ним раскрытой ладонью. Металл едва заметно потеплел, хотя никаких видимых источников пламени в комнате не было.

— Это вообще безопасно? — напряглась Сейра.

— Нет, — честно признался Эйвен. — Но это лучше, чем бездействие.

— У вас с Кадаром один редкий дар на двоих — так мастерски утешать пациентов?

— У него с этим дела обстоят значительно хуже, — невозмутимо отозвался лекарь.

Страж сурово взглянул на него:

— Эйвен.

— Я занят, не мешай.

Сейра едва заметно улыбнулась. Момент для веселья был неподходящим, но эта крохотная трещина в их глухой, монолитной серьезности помогла ей дышать свободнее.

Эйвен работал долго. Время от времени он просил ее заговорить с Нейваром, затем велел замолчать и подолгу слушал его пульс и дыхание. Сейра не понимала сути его манипуляций, но наглядно видела физический результат: черты лица принца постепенно разгладились, его пальцы больше не впивались в ее кожу до синяков, а темные чешуйки у ключицы начали мед-

ленно уходить глубже. Они не исчезли полностью, но перестали так явно проступать на человеческом теле.

— Он часто бывает в таком состоянии? — тихо спросила она.

Ответ Кадара опередил лекаря:

— Нет.

— Ваше «нет» означает «не лезьте не в свое дело» или «обычно все проходит легче»?

— Это означает «нет».

— У вас поразительный талант уходить от ответа так, будто вы все объяснили.

— Благодарю.

— Это не был комплимент.

— Я понял.

Эйвен наконец отложил кольцо в сторону и глубоко выдохнул.

— Сейчас приступ удалось остановить, — сказал Эйвен. — Но я не знаю, как клеймо поведет себя дальше. До пятой ночи его лучше не оставлять без присмотра. И, возможно, без нее тоже.

Сейра не стала уточнять, о ком речь. Было очевидно, что в этих стенах ее уже окончательно зафиксировали в статусе предмета особого медицинского назначения. Не слишком приятно, но она по крайней мере оставалась жива, а это сейчас являлось главным аргументом.

Внезапно за дверью послышались тяжелые, размеренные шаги. Дверь почти бесшумно отъехала в сторону, и Кадар с Эйвеном синхронно опустили на одно колено. Даже Сейра инстинктивно выпрямилась, когда в покой вошел мужчина, сопровождаемый высоким стражем.

Она осознала, кто перед ней, еще до того, как Кадар негромко произнес «Ваше Величество». Темное одеяние, подбитое багровым шелком и расшитое золотой нитью, стоило целого состояния, но дело было не в богатстве ткани. Такие люди подчиняют себе пространство одним лишь фактом своего присутствия.

Вошедший был немолод, но возраст лишь добавлял его фигуре веса. Высокий, широкоплечий, с безупречно прямой спиной, он двигался без суеты и той нарочитой медлительности, которой обычно пытаются имитировать силу. Сходство с Нейваром бросалось в глаза сразу: зеленые холодные глаза, строгие скулы, четко очерченный рот. Только в лице императора эти черты казались старше, жестче и тяжелее.

Сейра на миг подумала, станет ли Нейвар таким же с возрастом. Не старым, а красивее, крепче, глубже, — мужчиной, на которого смотришь и сразу понимаешь: он пережил слишком многое, но так и не позволил себя сломать. Но она тут же обругала себя за неуместные мысли. Не ее дело гадать о будущем наследника, ей нужно домой. Пусть там пусто и тихо, пусть никто не ждет у двери, но там ее мир.

Император подошел к постели сына. Когда он остановился рядом, Сейра заметила, как на одно мгновение напряглись его пальцы. Одно короткое, невольное движение. Почти ничего, и все равно от этого жеста Сейре стало по-человечески жаль его.

— Жив? — спросил он.

Эйвен поднялся только после короткого знака императора.

— Да, Ваше Величество. Состояние нестабильное. Переход сорван, клеймо активно. Человеческая форма держится, но с трудом.

Император заметил руку Нейвара, все еще лежащую на запястье Сейры.

— А она?

Кадар встал следом за лекарем:

— Нейвар приказал ее не трогать.

— Ее присутствие помогает удерживать человеческую форму, — добавил Эйвен.

Император внимательно всмотрелся в нее. Он беспристрастно оценил ее странную одежду, грязный медицинский халат, растрепанные светлые волосы. Взгляд задержался на ее лице ровно настолько, чтобы Сейра почувствовала себя не человеком, а уликой, которую пока не успели изучить. В этом дворце все вокруг казалось величественным: одежда, дерево, стены. На их фоне она сидела у постели наследника как чужеродное, случайное пятно.

— Вы уже выяснили, кто она? — спросил император, не отводя взгляда.

— Лекарь для животных из чужого мира, — тут же отозвался Кадар. — Говорит, что выхаживала Нейвара почти три недели в своем мире.

— В виде раненого ящера, — добавил Эйвен. — Она называла его варданом.

— Вараном, — автоматически поправила Сейра и тут же снова замолчала под тяжелым взглядом императора.

— Здесь прошло меньше получаса, — проигнорировав ее реплику, добавил лекарь.

Правитель не перебивал. Он вообще, кажется, не любил тратить слова там, где можно было просто слушать. Мужчина за его плечом чуть заметно нахмурился:

— Ложный приказ, сорванный переход, след клейма... Это похоже на прежние методы Ордена.

Это слово почему-то врезалось в память прежде, чем Сейра успела понять, что оно значит. Может быть, потому что звучало оно таинственно и пугающе. *Орден*.

Император медленно повернулся к спутнику:

— Орден мертв, Сорхан.

— Мы уже однажды так решили, государь, — негромко ответил тот.

В комнате стало еще тише. Сейра поняла, что рядом с ней говорят не о слухах и не о дворцовых сплетнях. Это было что-то застарелое и опасное. Настолько, что даже императору неприятно было слышать это название.

Он снова обратил внимание на нее:

— Вопросов к тебе много. Но разбирать их будем, когда мой сын придет в себя.

Она молча кивнула. Это было самым разумным и безопасным, что она могла сейчас сделать.

Сорхан шагнул ближе:

— Чужеземную женщину следует отделить от наследника до разбирательства.

— Простите мою дерзость, государь, но нельзя, — покачал головой лекарь. — Пока связь держится, она нужна рядом. Если убрать ее сейчас, ему может стать хуже.

— Ты уверен? — нахмурился император.

— Нет, государь, но не хочу проверять свои догадки на наследнике.

— Кроме того, Нейвар приказал ее не трогать, — тихо повторил Кадар.

Сейра чувствовала, что сейчас решают не просто то, где ей сидеть в ближайшие часы. Решалось, кем она станет в этом мире: подозреваемой, пленницей, лекарством или чем-то еще, для чего здесь наверняка уже существовало свое определение.

Император подошел ближе к постели.

— До пробуждения Нейвара женщина остается под защитой Огня, — объявил он, глядя только на сына. — Сделайте все, что потребуется, чтобы удержать моего сына живым и в человеческой форме.

Сейра медленно моргнула:

— Под защитой Огня?

Эйвен пояснил едва слышно:

— Временная защита.

— Защита, — повторила она. Звучало неплохо. — А выходить я могу?

Пауза оказалась красноречивее любого ответа.

— Нет.

— Понятно, — кивнула Сейра. — Тогда у вас очень своеобразное понимание слова «защита».

Император посмотрел на нее без тени улыбки.

— У нас выдалась очень беспокойная ночь.

Больше она не шутила.

В этот момент вернулся Кадар, который ненадолго выходил. По его лицу Сейра мгновенно поняла, что хороших новостей сегодня можно уже не ждать.

— Стражник? — кратко спросил сопровождающий императора мужчина.

— У двери стоял мой человек, — отчеканил Кадар. — Страж из внутреннего караула, которому я доверяю. Я сам поставил его там, когда меня вызвали к северным воротам.

— Он жив? — спросил Сорхан.

— Жив. Его нашли у входа в камеру без сознания уже после тревоги. Ран или следов борьбы нет. Сейчас он пришел в себя, но повторяет одно: незадолго до прихода наследника какая-то служанка принесла еду. Лица он не видел. После этого не помнит ни как открывал дверь, ни как разговаривал с Его Высочеством.

— Внутри был кто-то еще? — негромко спросил император.

— Не найдены, Ваше Величество. Ни живыми, ни мертвыми. Уйти обычным путем они не могли. Если они стояли внутри контура, их могло затянуть в разрыв вместе с принцем.

Сейра перевела взгляд с Нейвара, лежащего без сознания, на императора, сделавшего ее защищенной пленницей, и потом на Кадара у двери. Всего несколько часов назад самым опасным существом в ее жизни был раненый варан, способный в худшем случае откусить ей палец. Теперь у этого «варана» обнаружили человеческое имя, отец-император, древний Орден и предатель в собственном дворце.

И она сильно подозревала, что дракон здесь был далеко не главной проблемой.

Глава 5. Четыре дня

Сначала вернулся жар. Он шел не от бронзовых чаш и не от прогретого воздуха, а жил глубоко под кожей, в застарелом клейме. Сквозь эту душную плотность постепенно проступали горьковатый запах трав, прохлада шелка и чужое, живое тепло совсем рядом. Это присутствие дракон узнал раньше, чем человек успел открыть глаза. По голосу, пробивавшемуся сквозь пелену боли. По ладони, от которой внутреннее пламя переставало рваться наружу.

Нейвар заставил себя вдохнуть глубже. Сознание возвращалось медленно, неохотно. Постепенно проявились очертания комнаты, золоченая резьба на потолочной балке, знакомый дух северного крыла и тяжесть темно-зеленого шелкового покрывала чуть ниже ребер. Наконец, вернулось и собственное имя — *Нейвар Хаэн*.

Он открыл глаза. Утренний свет был мягким, но в чашах у стен еще теплились угли. Значит, тяжелая ночь только закончилась. Кадар стоял у двери — собранный, как всегда, и только залегшие тени под глазами выдавали, что он не спал уже очень долго. У низкого столика сидел Эйвен. Перед лекарем лежали чистые полотна ткани, сосуды со снадобьями и тонкое металлическое кольцо с потемневшими от копоти насечками. Стоило Нейвару шевельнуться, как лекарь сразу вскинул голову.

И только теперь он по-настоящему заметил женщину. Она сидела у самого его ложа на низкой скамье и спала, тяжело склонившись вперед. Светлые волосы были собраны в растрепанный хвост, несколько прядей небрежно выбились у висков. Грязный белый халат распахнулся, на рукаве виднелись следы песка, а лицо выглядело измученным даже во сне.

Нейвар перевел взгляд ниже. Его пальцы держали ее запястье крепко, слишком уверенно, будто тело приняло решение за него еще до того, как разум вернулся в сознание. На светлой коже женщины отчетливо розовели следы его жесткой хватки.

Стыд накатил резко, почти так же горячо, как и боль под клеймом. Он тут же разжал пальцы.

От этого движения она шевельнулась и открыла глаза. В первое мгновение ее взгляд оставался сонным, затуманенным, но почти сразу в нем вспыхнуло понимание. Она выпрямилась, слегка поморщившись от затекшей шеи, и посмотрела на него глазами цвета темного меда.

— Вы очнулись, — тихо произнесла она.

Этот голос его тело узнало мгновенно: вода у самой пасти, ладонь на пульсирующей плоти, негромкие слова, от которых зверь переставал биться в конвульсиях. Нейвар не помнил всего, что произошло за гранью того мира, но и этого короткого обрывка хватило, чтобы чувство вины стало еще острее.

Он заставил себя отвести взгляд от ее лица и посмотрел на руку, которую только что отпустил.

— Я причинил вам боль? — спросил он сухо.

Сейра опустила взгляд, и ее пальцы осторожно коснулись покрасневшего участка кожи на запястье.

— Нет, — ответила она после короткой паузы. — Только немного.

Эйвен уже поднялся из-за стола, Кадар сделал шаг ближе к постели, и Нейвар кожей ощутил их общее напряженное ожидание.

— Как ваше самочувствие? — спросила женщина.

Это был простой человеческий вопрос, и от этого на мгновение стало еще труднее сохранять безучастный вид.

— Достаточно хорошо, чтобы говорить, — ответил он.

— Это не всегда одно и то же, — вмешался Эйвен, мягко, но настойчиво перехватывая инициативу. — Господин, не двигайтесь резко. Обращение удалось сдержать, но контур клейма еще активен.

Кадар остановился чуть позади лекаря и глухо произнес:

— Господин.

Нейвар услышал все, что выражало лишь одно это слово: вину, тревогу, облегчение... и снова вину. Его личный страж должен был стоять у двери этой ночью, но его там не оказалось. Теперь уже поздно.

Принц проигнорировал его и снова повернулся к светловолосой женщине:

— Как вас зовут?

Она будто не сразу поняла, что обращаются именно к ней, растерянно оглянулась на Эйвена, а затем тихо произнесла:

— Сейра.

Имя прозвучало мягко и непривычно для этих суровых стен. Дракон внутри отозвался на него слишком охотно, и Нейвару пришлось затаить дыхание, чтобы не выдать своего волнения.

— Сейра, — повторил он холоднее, чем намеревался на самом деле. — Вам объяснили, где вы находитесь?

— Не совсем, — она машинально поправила воротник испачканного халата, и ее тон изменился. — Мне сказали, что я чужеземная женщина, что ваша жизнь каким-то образом зависит от моего присутствия и что выходить из этих покоев мне запрещено. В общих чертах перспектива вырисовывается крайне вдохновляющая.

Усталость делала ее голос тихим, но за словами все равно угадывался естественный страх. Просто она упрямо не позволяла ему взять верх.

— Сейчас вам опасно находиться во дворце без должной охраны, — ровно проговорил принц. — И для вас самой, и для тех, кто решит задавать вопросы раньше времени.

Сейра посмотрела на Кадара, потом на Эйвена, словно ища у них поддержки, и, не найдя ее, снова повернулась к его постели:

— То есть я все-таки пленница?

— Нет.

— Но уйти отсюда я не могу.

— Пока нет.

Она медленно кивнула. Не соглашаясь, а просто принимая тот факт, что спорить сейчас бесполезно.

Нейвар прекрасно понимал, как все это выглядит со стороны. Его собственное имя и статус уже использовали, чтобы насильно удержать возле него женщину, которая даже не принадлежала этому миру. Вокруг нее уже возвели глухие стены, и всему виной было его сорвавшееся тело, пробудившееся клеймо и минутная слабость. Ему следовало сказать ей гораздо больше: поблагодарить, как-то прояснить ситуацию. Но искренняя благодарность требовала мягкости, а мягкость в его положении сейчас являлась куда более опасной штукой, чем физическая боль. Стоило дать слабину, и дракон внутри снова потянулся бы к ее живому теплу с той простой, слепой уверенностью, которой человек здравомыслящий не мог себе позволить.

— Пусть ее проводят в соседние апартаменты, — распорядился принц после долгой паузы, переводя взгляд на Кадара. — Поставьте караул. Она не пленница, но до моего особого распоряжения не должна покидать эти стены в одиночку. И проследите, чтобы ее никто не тревожил.

Сейра посмотрела на него внимательнее. Ему показалось, что на ее лице на миг промелькнуло горькое разочарование.

— Мне нужно домой, — тихо произнесла она.

Вот теперь это прозвучало без тени привычного сарказма или попыток казаться сильнее, чем она была на самом деле.

Нейвар почти ничего не знал о ее родном мире. В памяти остались лишь обрывки: специфический запах лекарств, гладкий холод прозрачных перегородок, глоток чистой воды у самой пасти и этот мягкий голос рядом. Но он понимал главное: там, за гранью, у нее, должно быть, остались близкие люди, работа, привычное мирное утро — все то, к чему она должна была вернуться. Для него самого домом являлись эти суровые каменные стены, отец-император, Кадар на посту, Эйвен со своими горькими настояями и несмываемое клеймо на теле. Для нее же вся эта реальность оставалась чужой и враждебной.

— Я не знаю, как отправить вас обратно, — сказал он, и его голос против воли все-таки немного смягчился. — Пока не знаю.

Сейра заметно побледнела, но он заставил себя продолжить:

— Но, если этот путь в принципе существует, Сейра, я его найду.

Он не пытался ее утешить и не обещал невозможного. Просто принимал на себя личное обязательство, от которого уже не собирался отступать.

Чужемирка лишь молча наклонила голову, а Эйвен, выждав деликатную паузу, добавил чуть тише:

— Сейчас вам обоим необходимо отдохнуть.

Нейвар бросил на него короткий, предупреждающий взгляд. Лекарь выдержал его абсолютно спокойно: свое профессиональное право вмешиваться в вопросы здоровья императорской семьи он всегда ставил значительно выше любых придворных тонкостей и субординации.

Кадар приоткрыл дверь и негромко подозвал стража. В комнату бесшумно вошел Гаар — один из его наиболее доверенных людей: исполнительный, широкоплечий страж, умеющий не замечать лишнего и четко фиксировать самую суть приказа.

— Проводишь госпожу в соседние покои, — распорядился Кадар. — Двоих наших людей у внешней двери. Сам останешься тоже. Без моего личного разрешения или распоряжения его высочества к ней никто не входит.

— Слушаюсь, командир.

Сейра поднялась со скамьи не сразу. Сначала она тяжело оперлась ладонью о край деревянной перекладки, будто ногам требовалось время вспомнить, что они вообще способны держать ее вес. Эйвен сделал мимолетное движение, порываясь поддержать девушку, но она упрямо выпрямилась сама. Нейвар старался не смотреть на ее покрасневшее запястье, и она, кажется, это заметила, но развивать тему не стала.

— Поправляйтесь... Ваше Высочество, — произнесла она перед самым уходом.

Это официальное обращение прозвучало в ее устах непривычно и неловко, словно она пока не понимала, что с ним делать. Нейвар лишь едва заметно кивнул:

— Мы поговорим позже.

Она вышла вслед за Гааром, и дверь за ними плотно закрылась. В комнате стало тише, но атмосфера не разрядилась. С ее уходом из покоев словно исчезло то самое живое тепло, за которое измученное тело успело ухватиться прежде разума. Левое плечо тут же дернуло тянущей болью, словно тело тоже ощутило эту пустоту. Нейвар не позволил себе закрыть глаза и поддаться усталости.

— Отец был здесь?

Кадар и Эйвен коротко переглянулись. Ответил страж:

— Был. Приходил вместе с Сорханом, когда вас только доставили в покои. Ушел сразу после того, как официально оставил женщину под защитой Огня.

— Он видел?

— Да, — без обиняков подтвердил Кадар.

Впрочем, этот вопрос действительно был лишним. Если повелитель приходил лично, он застал более чем достаточно. Император Халван Хаэн никогда не отворачивался от слабостей своего наследника, даже когда сам Нейвар предпочел бы, чтобы вместе с этой минутной немощью провалилось сквозь землю все северное крыло дворца.

— Кто еще находился в помещении?

Кадар мгновенно уловил скрытый подтекст: принца волновали не свидетели как таковые, а те, кто мог зафиксировать его полную уязвимость в момент обращения.

— Посторонних вывели незамедлительно, — сообщил он. — Территорию двора очистили заранее, через галереи вас пронесли скрытно. В камере обращения находились только я, Эйвен, двое моих личных гвардейцев и чужестранка.

Нейвар перевел взгляд на строгий узор темно-зеленого покрывала.

— Твои люди?

— Мои верные воины, господин. Они прекрасно обучены забывать то, о чем их официально не спрашивают.

— Когда вы начали возвращаться в человеческий вид, Кадар мгновенно накрыл вас своим плащом, — мягко добавил лекарь, желая немного разрядить повисшее напряжение.

Нейвар поднял глаза на мужчину. Тот смотрел прямо, без тени неуместной жалости. Это было правильно: жалость сейчас ранила бы его хуже любого вражеского клинка.

— Что успела увидеть *она*?

— Она видела клеймо, чешую и то, как вы возвращались в человеческую форму. Но... Эйвен осекся.

— Но? — насторожился Нейвар.

— Но продолжала помогать вам, несмотря на испуг.

— Она лекарь, — невесело усмехнулся Нейвар. — Раны ее не пугают.

— Для животных, — сухо напомнил Кадар.

Лекарь лишь покачал головой:

— Сегодня ее опыт с ранеными зверями оказался полезнее многих наших трактатов.

Кадар промолчал. На этот раз возразить было нечего.

Нейвар медленно повернул голову и посмотрел на левое плечо. Темные чешуйки вокруг клейма уже ушли глубоко под кожу, но плоть все еще не вернула полностью человеческую текстуру. Черная, похожая на коготь вязь тянулась от самой ключицы к груди, напоминая тяжелую цепь, которую можно успешно скрыть под плотной тканью одежды, но невозможно снять.

— Теперь докладывайте.

С этим словом в комнату вернулся привычный, жесткий порядок. Кадару не нужно было объяснять, что именно принц хочет услышать в первую очередь.

— Меня отвели от двери ложным вызовом, — глухо доложил он. — Срочный приказ передали от имени Сорхана. У вестника была бумага с малой печатью дворцовой канцелярии и знак моей смены на плаще. Я не мог счесть это ошибкой и оставить приказ без ответа. Но у северных ворот меня никто не ждал. Когда я понял, что меня увели, и поспешил обратно, мне сообщили, что вы исчезли, а затем вернулись с женщиной из чужого мира.

Нейвар слушал молча. Он хорошо помнил тот внезапный удар боли у основания шеи, над левым плечом — слишком резкий и глубокий даже для пика пятой ночи. Драконья часть тела откликнулась первой, а дальше память рвалась клочьями: яростный рывок, удушающее давление чужой силы и полный провал в темноту. Длинный, изматывающий страх без единого слова, сотканный из запахов чужой крови, стекла, воды и прикосновений незнакомых рук.

И голос. *Сейра*.

Нейвар крепко сжал пальцы на покрывале, сминая шелковую ткань.

— Сколько времени меня не было во дворце?

— Здесь прошло не больше получаса, — ответил Кадар. — В ее мире, если верить ее словам, минуло почти три недели.

Три недели.

Нейвар медленно провел языком по сухим губам. Значит, она кормила его, поила, прикасалась к ране у шеи... и все это время он был не человеком. А она все равно оставалась рядом.

— В ее мире я был... — он остановился, подбирая точное слово.

Кадар закончил фразу за него:

— Раненым ящером. Она называла вас *вараном*.

Эйвен продолжил уже как врач, которому нужно было отделить страх и догадки от того, что действительно произошло:

— Она сказала, что работает в месте, где выхаживают зверей. Обработывала рану у вашей шеи, поила, следила за общим состоянием. Женщина не знала, что имеет дело с проклятой магией, и считала отметину следствием давней, запущенной травмы. И подпускали вы только ее одну.

Нейвар прикрыл глаза. Дракон внутри него не ведал человеческого стыда: он помнил ладони, которые не причиняли новой боли, воду, поданную без насилия, и мягкий голос, удерживавший первобытный ужас на расстоянии. Для зверя все было предельно просто: опасность ушла, тепло осталось. Для человека нет.

Нейвар слишком хорошо помнил подземелья Ордена, где его собственное тело переставало принадлежать ему. Помнил, как чужая магия насильно вытягивала дракона наружу через пытки, как метка превращала его в существо на невидимой, короткой цепи. Семь лет он учился сохранять разум даже тогда, когда мышцы и кости хотели сдаться. А теперь тело снова сделало выбор вопреки его воле. И на этот раз оно выбрало чужеземную женщину.

— Она может быть частью ловушки? — спросил он, открывая глаза.

— Не думаю, — покачал головой лекарь.

— Нет, — твердо отрезал Кадар. — Я видел ее в камере обращения сразу после вашего возвращения. Она не понимала, где находится, ее трясло от шока, и все же единственное, о чем она заботилась — как не навредить вам. Если бы эта женщина желала вашей смерти, у нее были недели в ее мире и несколько минут здесь, пока вы лежали без сознания.

Эйвен едва заметно приподнял бровь. Видимо, не каждый день ему приходилось слышать от сурового воина столь длинную речь в защиту неизвестной чужестранки.

Принц обратился к Кадару:

— А что Сорхан?

— Во время инцидента Сорхан был на виду, рядом с императором, — ответил страж. — Приказа мне не отдавал и к северным воротам не вызывал.

— Но ты ушел, — тихо заметил Нейвар.

— Да, я виноват, мой принц.

— Тогда кто стоял у двери?

— Мой человек, которому я доверяю, мой господин. Надежный страж из внутреннего караула. Я сам поставил его у входа, когда меня вызвали.

— Значит, они чем-то одурманили его, — задумчиво проговорил Нейвар.

— Да. Когда его нашли, он был без сознания. Сейчас пришел в себя, его допросили. Уверяет, что ничего не помнит после ужина, который принесла служанка.

— Служанка?

— Ее ищут, но лица он не видел. Не думаю, что мы сможем выяснить, кто она.

Лекарь выпрямился, убирая инструменты в шкатулку:

— Сорхан отметил знакомый почерк: след пространственного разрыва, прямое воздействие на клеймо. Император ответил, что Орден давно уничтожен.

Принц молчал.

— Если это действительно они, — медленно продолжил лекарь, — значит, они не просто выжили. Они нашли способ снова дотянуться до вас.

Нейвар промолчал. Дела Ордена они обсудят позже, когда тело перестанет бить дрожью, а мысли — упрямо возвращаться к Сейре.

— Значит, эта женщина понимает наш язык? — спросил он.

— Да, — подтвердил Эйвен. — Похоже, это побочный след переноса. Когда вы возвращались, ваш огонь коснулся ее сознания, и теперь она понимает наш язык.

— Проследите, чтобы у нее было все необходимое, и никто не смел тронуть ее, — распорядился Нейвар.

Лекарь бросил на Нейвара долгий, пронизательный взгляд, но промолчал. Принц не стал ничего объяснять. Он не доверял этой женщине слепо. Но Сейра помогла ему и была рядом там, за гранью. Она вообще не должна была оказаться в их мире.

Он откинулся глубже в подушки, чувствуя, как силы уходят из тела гораздо быстрее, чем он показывал окружающим. Каждое произнесенное слово стоило слишком дорого.

— Как долго я был без сознания после возвращения? — спросил он.

— Несколько часов, — ответил лекарь. — Почти до рассвета.

Нейвар принялся мысленно считать, хотя этот счет был пугающе, безжалостно простым: пятая ночь, срыв, возвращение, рассвет.

— Значит, до следующего пика... — от внезапного осознания слова оборвались сами собой.

— Четыре дня, — договорил за него Кадар.

Это время отделяло их от новой ночи, когда вновь активированное клеймо начнет выжигать плоть изнутри, а драконья природа станет рваться наружу. В прошлые циклы Нейвару Хаэну удавалось справляться в одиночку: запирается в каменном мешке и зубами удерживать ускользающий человеческий разум. Но теперь прежние правила больше не действовали.

Нейвар закрыл глаза, но покой не пришел. До пятой ночи оставалось слишком мало времени.

Глава 6. Под охраной

До соседних покоев Сейра дошла почти на одном упрямстве. Мужчина, которого Кадар назвал Гааром, шел впереди, выдерживая ровный, размеренный темп. Он не оглядывался каждые три шага и не проверял, идет ли она за ним. После сумасшедшей ночи даже это равнодушное спокойствие казалось почти милостью.

Коридор был широким, теплым, обшитым панелями из темного дерева; в расставленных у стен бронзовых чашах ровно теплились угли. Слышался лишь мягкий звук их шагов по гладкому дереву, а в воздухе стоял густой аромат трав, легкого дыма и чего-то как будто хвойного, но совершенно незнакомого.

Чужой мир постепенно переставал быть только вспышкой ужаса в подземной камере перехода. Теперь он обретал материю, превращаясь в бесконечные галереи, массивные двери, людей с оружием, которые четко знали свое дело, и приказы, выполнявшиеся без лишних вопросов.

Гаар остановился в конце короткой галереи:

— Эти покои будут вашими, пока Его Высочество не распорядится иначе.

Сейра посмотрела на тяжелую панель двери, затем на двух стражей, уже занявших места по обе стороны от прохода. Оба воина замерли неподвижно, глядя прямо перед собой без малейшего любопытства.

— А если я захочу выйти? — тихо спросила она.

Страж ответил без тени раздражения, как нечто само собой разумеющееся:

— Одна — нет. Если вам понадобится вода, еда, служанка или лекарь, скажете караулу или лично мне. Когда будет позволено выйти в галерею или сад, вас обязательно проводят.

— То есть главное слово здесь «*позволено*».

— Да.

В его голосе не было ни угроз, ни намеренной грубости, просто сухая констатация факта. Деревянная панель перед ней отъехала в сторону, и Сейра вошла внутрь.

Комната оказалась меньше апартаментов Нейвара, но все равно казалась слишком просторной. Пожалуй, покои были размером с половину старенького дома деда. Низкая широкая постель, ширма из темного дерева, тяжелые занавеси, бронзовая чаша с водой на столе и проход к умывальне. Ткани здесь тоже были темно-зелеными, с тонкой золотой нитью по краю, а мебель — почти черной, гладкой от времени. Все выглядело дорогим, красивым и абсолютно чуждым.

Ей вдруг невыносимо захотелось в свою крошечную ванную. Захотелось вытащить из шкафа старую домашнюю футболку, включить чайник на кухне, схватить телефон и позвонить хоть кому-нибудь из нормального, понятного мира. Ей до боли нужна была дверь, которую она могла бы закрыть сама, ни у кого не спрашивая на то разрешения.

Гаар задержался у входа:

— Вам сейчас принесут еду. Женщина из службы покоев поможет с водой и новой одеждой.

— А моя одежда? — устало усмехнулась Сейра.

Он скользнул беглым взглядом по ее футболке, джинсам и кроссовкам. Очень коротко, без явного осуждения, но она все равно почувствовала себя диковинным экспонатом из какого-то антропологического музея.

— Если ее можно очистить, ее приведут в порядок, — спокойно пообещал он. — А пока вам подберут местную.

Она почти спросила, входит ли наряд в условия ее содержания, но сил на язвительность уже физически не хватало. Внутри было пусто и глухо, как после тяжелого суточного дежурства, когда тело еще способно стоять на ногах, а голова уже наотрез отказывается соображать.

— Хорошо.

Гаар вышел, и панель двери закрылась с негромким, но совершенно окончательным щелчком.

Через несколько минут появилась молодая служанка в темном строгом платье. Она несла стопку чистых полотенец, сверток плотной ткани и низкий поднос с чашей. Девушка слегка поклонилась, стараясь не смотреть на Сейру. В этом жесте было не почтение, а осторожность человека, которому велели обращаться с чужеземной женщиной вежливо, но ничего толком не объяснили.

— Вода, госпожа, — голос служанки прозвучал так осторожно, будто это обращение могло оказаться опасной ошибкой.

— Сейра, — машинально поправила она.

Девушка наконец посмотрела на нее, широко распахнув глаза:

— Простите?

— Меня зовут Сейра.

— Да, госпожа...

Сейра тихо вздохнула, понимая, что девушка приучена к совершенно иным манерам, и не стала больше настаивать.

Служанка показала умывальню, ловко разложила вещи на ширме, кратко объяснила, где лежит чистое белье и куда сложить грязное. Сейра запомнила от силы половину. Местная одежда выглядела как сложный, пугающий набор из длинных слоев, завязок и мягкой ткани — этот кошмар явно придумали люди, которые никогда в жизни не пытались переодеться за две минуты после экстренного вызова к больному животному.

— Я потом сама разберусь, — устало сказала она.

Девушка снова склонила голову и выскользнула из покоев так быстро, словно панически боялась задержаться здесь дольше положенного.

Сейра умылась холодной водой, кое-как смыла с лица пыль и ввевшийся песок, но переодеться в местное платье так и не решилась — слишком много незнакомых шнуров и слишком мало сил. Она просто сняла медицинский халат, тщательно отряхнула его от песчинок и повесила на деревянную перекладину ширмы. Пусть это выглядело нелепо, но после встречи с драконом, императором и мужчиной, который еще вчера сидел в клетке под видом варана, одежда занимала в списке ее проблем самое последнее место.

В дверь негромко постучали, вынуждая Сейру очнуться от невеселых мыслей.

— Да?

Тяжелая панель мягко отъехала, впуская Эйвена. В руках лекарь держал небольшую шка-тулку из темного дерева и сложенное полотно; Гаар остался снаружи.

— Его Высочество велел осмотреть вашу руку.

Она машинально потеряла кожу большим пальцем. Следы чужих пальцев на запястье выглядели неприятно, но не казались серьезными. За годы работы в реабилитационном центре ей доставалось и хуже: когти, зубы, сорванные повязки и тяжелые хвосты, от ударов которых синяки держались неделями. По ее личным меркам эти отметины вообще не считались травмой.

— Велел? Так и сказал?

— Да.

Это было странно. Человек, который только что говорил с ней с ледяной сухостью, отправил под замок и отрезал все пути к выходу, все-таки заметил эти следы. Сейра не знала, делает ли это принца лучше в ее глазах, но сознание зацепилось за этот факт.

— Проходите.

Эйвен поставил шкатулку на стол и жестом пригласил сесть ближе к свету. Сам он выглядел так, будто прошедшая ночь проехала по нему не лучше, чем по ней: лицо осунулось, волосы лежали небрежно, а движения оставались точными, но лишились прежней легкости.

— Болит? — спросил он, бережно протягивая пальцы к ее запястью.

— Если не трогать, почти нет.

— Значит, придется потрогать, — Эйвен взял ее ладонь осторожно, но без лишних церемоний.

На коже уже явственно наливался синяк — не опасный, но довольно яркий. Мужчина внимательно осмотрел повреждение, открыл деревянную крышку и достал маленькую плоскую баночку, от которой сразу пахло резким, холодным ароматом целебных трав.

— Кость цела, сухожилия тоже не пострадали. Синяк сойдет намного быстрее, если обработать его сейчас.

— Обработайте, — согласилась Сейра. — Мне бы хотелось сохранить обе руки в рабочем состоянии. Они мне еще понадобятся, если я когда-нибудь вернусь к практике.

Эйвен поднял на нее быстрый, пронизательный взгляд:

— К животным?

— Да. К животным, которые обычно кусают куда честнее, чем люди разговаривают.

Он не улыбнулся, но в глубине его темных глаз на мгновение мелькнуло что-то живое, человеческое:

— После этой ночи я готов признать за вашим опытом определенную ценность, Сейра.

— Великодушно со стороны придворного лекаря.

Он принялся аккуратно наносить мазь. Холод сперва остро кольнул кожу, но почти сразу тупая боль отступила глубже и сделалась глухой. Сейра несколько секунд молча наблюдала за тем, как уверенно и плавно он распределяет состав по поврежденному участку. Мужчина работал со спокойной сосредоточенностью настоящего профессионала, и от этого ей самой постепенно становилось легче.

— Я бы хотел задать вам несколько вопросов, — негромко произнес Эйвен, не прерывая работы. — Это важно. Начнем с того, что произошло в вашем мире. Мне необходимы детали. Не торопитесь и, пожалуйста, расскажите все так, как помните.

Сейра села поудобнее на низкой кровати, пытаясь выстроить сумбурные события в четкую логическую цепочку. В голове до сих пор мешались в кучу треснувшее стекло террариума, черная чешуя, песок под коленями, бледное лицо Нейвара на подушках и резкий голос Кадара. Она прикрыла глаза на пару секунд и начала с того, что было ей понятнее всего:

— У нас его приняли за раненого варана. Большого, черного, в крайне тяжелом состоянии. Я выхаживала его почти три недели. Он никого не подпускал к вольеру, кроме меня, практически не ел и пил только тогда, когда я подолгу уговаривала его. Тот рубец возле шеи я искренне считала застарелой, запущенной травмой. Странной, уродливой, но все же не свежей. А в ту ночь ему стало резко хуже. Шрам потемнел, ящер начал биться в судорогах, будто его буквально выворачивало изнутри. Я вошла к нему, хотя, наверное, не должна была делать этого в одиночку. Пыталась успокоить голосом, как обычно, а потом дотронулась до рубца. Вернее, до места, где он находился. В то же мгновение перед глазами все поплыло, я увидела тень огромного крыла, а дальше пространство просто не знаю лопнуло? Зеленый свет, летящее стекло, камень, песок... и я прихожу в себя уже в вашей камере перехода, прямо рядом с ним.

Эйвен не перебивал. Он слушал с таким предельным вниманием, что Сейра невольно подбирала слова точнее, чем собиралась изначально. Когда она умолкла, он еще несколько секунд продолжал держать ее за руку, но уже не втирал мазь, а словно сопоставлял услышанное со своими собственными знаниями.

— Приступ боли начался до вашего прикосновения? — спросил он наконец.

— Да. Но когда я коснулась кожи у рубца, он словно вспыхнул изнутри. Секунда — и воздух вокруг нас провалился. Меня не отбросило, а, наоборот, потянуло вслед за ним, будто я держалась за тот же разрыв.

— Вы видели сам переход? Не камеру, а то, что было между мирами?

Сейра медленно покачала головой:

— Только обрывки. Темнота, удушающий жар, вспышка чего-то изумрудного и черного. И звук... Знаете, не голос, а жуткое физическое давление. Будто прямо над ухом с грохотом захлопнулась гигантская дверь.

Эйвен аккуратно отпустил ее запястье и закрыл баночку.

— Похоже, вы прошли не через обычный пространственный разрыв. Вас протащило сквозь его собственный драконий огонь — через ту силу, на которой он возвращался обратно.

— Звучит не слишком научно.

— Я не знаю, что означает ваше «научно», — честно признался лекарь, — но это звучит смертельно опасно. И пока это единственное разумное объяснение.

Сейра посмотрела на обработанную руку. Приятный холод от мази уже всюю расплылся под кожей, усаживая пульсацию.

— Если я теперь так необходима для его стабильности, как он вообще жил без меня все эти годы?

Эйвен ответил не сразу. Он неторопливо сложил ткань, убрал баночку обратно в шкапулку и только после этого сел прямо напротив нее. По этой затяжной паузе Сейра безошибочно поняла: сейчас он будет тщательно взвешивать слова, балансируя между тем, что считает нужным объяснить, и тем, что говорить не имеет права.

— Вы уже видели клеймо, так что кое-что я могу вам рассказать, — негромко заговорил он. — Семь лет назад, после спасения Его Высочества из плена, снять метку Ордена не удалось. Ее вообще почти невозможно снять, если не знаешь, как она была наложена.

Он сделал короткую паузу, подбирая слова.

— Тогда нам помог не наш лекарь. Помог человек Ордена, которого люди государя взяли живым. Не добровольно, разумеется. Он знал формулу запирания, и только поэтому клеймо удалось загнать в спящее состояние. Не уничтожить, не вылечить — лишь закрыть, как закрывают рану, из которой все еще может пойти кровь.

— И теперь эта печать повреждена?

— Похоже на то, — ответил Эйвен. — До этой ночи обращение и без того давалось наследнику тяжело: слишком много боли связано с самой трансформацией. Но метка не вмешивалась так грубо. Она спала. Мучила, отзывалась, но не управляла формой напрямую.

— А сейчас?

— Сейчас клеймо снова активно. Оно не просто причиняет боль. Оно цепляется за момент обращения и тянет тело туда, куда велит чужая формула. Именно поэтому обращение может пойти неправильно.

Сейра нахмурилась:

— Тогда запечатайте его снова.

Эйвен усмехнулся без тени веселья:

— Если бы мы умели, я бы уже стоял не здесь, а у его плеча с готовым контуром. Человека, который сделал это в первый раз, давно нет. Государь считал, что вместе с ним исчезло и последний представитель Ордена.

— Но кто-то все-таки узнал, как вскрыть печать.

— Вот именно, — тихо сказал Эйвен. — И это пугает меня больше всего.

Сейра невольно вспомнила Нейвара в постели: темные чешуйки у ключицы, побелевшие от напряжения губы и сухой, сорванный голос, которым он спрашивал, не сделал ли ей больно. Там действительно была не просто физическая травма.

— И я почему-то способна это контролировать?

— Не контролировать, — осторожно поправил Эйвен. — Я могу лишь предполагать. Вы оказались рядом в момент пространственного разрыва и прошли сквозь его внутреннее пламя. Очевидно, из-за этого ваш голос и прикосновение стали для его драконьей природы чем-то вроде ориентира. Не лекарством. Скорее точкой возврата, к которой его тело и разум инстинктивно стремятся, когда магия клейма тащит их в другую сторону.

Он произнес это подчеркнуто мягко, но Сейре все равно стало не по себе:

— То есть я теперь для него вроде живого костыля?

Эйвен посмотрел на нее со всей серьезностью, на которую был способен врач, говорящий чистую правду:

— Если выразаться грубо, да. Но вы не вещь из моей лекарской сумки, Сейра. И Его Высочество это прекрасно понимает.

— Он сам так сказал? — Сейра вспомнила ледяное лицо принца и его короткое «*пока нет*» на вопрос о свободе.

— Он запретил дворцу допрашивать вас и немедленно велел осмотреть вашу руку.

— Не совсем то же самое, что признание во мне важного человека, Эйвен.

— Для Нейвара сейчас это гораздо больше, чем может показаться со стороны.

Лекарь произнес это без тени подобострастия, сухо фиксируя факт. Сейра решила не развивать тему. Её взгляд случайно зацепился за узкую деревянную планку над дверным косяком: на ней были вырезаны тонкие, изящные и совершенно непонятные ей символы.

— Я прекрасно вас слышу и понимаю, — вдруг заметила она и указала пальцем на планку. — Но почему не способна прочесть ни единого знака?

Эйвен проследил за ее жестом:

— Там написано: «*Внутренние покои северного крыла*».

— Странно, что я понимаю каждое ваше слово, но не узнаю ни единого символа в этой строке.

— Речь и письмо передаются сознанию иначе, — терпеливо объяснил он. — Живое слово связано с дыханием и слухом. Вас протащило через его огонь, поэтому вы слышите нас и можете отвечать на нашем языке. Письмо же — это символы, запечатленные в памяти. Их вам придется учить с самого начала.

— Прекрасно, — пробормотала Сейра. — Я снова в первом классе, только вместо букваря у меня драконы, а вместо учителей — вооруженная охрана.

Эйвен понимающе усмехнулся и неожиданно похлопал ее по руке:

— Если это послужит утешением, наши дети учат эти знаки годами.

— Не послужит.

— Я так и думал.

Сейра устало потерла лоб ладонью. Голова раскалывалась от напряжения, магии, чужих терминов и слишком большого количества невозможного, которое эти люди произносили с абсолютным спокойствием.

— Скажите, а почему вы так буднично говорите обо всем этом? — спросила она, прямо взглянув на собеседника. — Ладно я, у меня не было выбора, я просто упала сюда из террариума. Но вы-то почему не твердите, что чужие миры — это бред?

Эйвен снова посерьезнел и потер ладони о колени.

— Потому что это не бред. Это происходит редко, смертельно опасно и почти всегда заканчивается катастрофой, но это вполне реально. В древних хрониках есть свидетельства о переходах между мирами. Мы ничего не знаем о вашей родине, и то, что случилось с принцем, мало похоже на обычный прорыв. Но сам факт существования иных земель не нарушает естественных законов природы.

Сейра медленно, шумно выдохнула, пытаясь справиться с нахлынувшей тяжестью:

— То есть для вас я не чудо природы, а просто редкая, крупная неприятность из старых свитков.

— В каком-то смысле да.

— Спасибо, — криво улыбнулась она. — Мне стало намного легче.

Эйвен окончательно защелкнул замок шкатулки и поднялся со скамьи:

— Хороший сон сейчас принесет вам куда больше пользы, чем попытки понять все и сразу.

— Подождите, — Сейра порывисто перехватила его за рукав, когда он уже собрался уходить. — Что такое Орден?

Лекарь не сразу поднял на нее глаза, и эта короткая, тяжелая заминка выдала его с головой. Куда сильнее, чем если бы он просто отказался отвечать.

— Люди, которых мы очень долго считали полностью уничтоженными, — глухо произнес он.

— Это они сотворили такое с его телом?

— Я не знаю наверняка. Но советник Сорхан не стал бы произносить это имя при государе без веских причин.

— А тогда, семь лет назад... это тоже были они?

Эйвен мягко, но совершенно непоколебимо убрал ее пальцы со своего рукава:

— Это не моя история, чтобы я имел право рассказывать ее вам, Сейра. Возможно, Его Высочество однажды расскажет вам сам.

Ответ был тихим, но абсолютно окончательным. Сейра молча наклонила голову, признавая его правоту. Вопросов в голове только прибавилось, но теперь она хотябы нащупала границу, за которую ее пока не пустят.

Эйвен поудобнее перехватил шкатулку:

— Еду принесут в ближайшие минуты. Вам необходимо поесть, даже если совсем нет аппетита. После этого постарайтесь уснуть. Если почувствуете себя плохо: закружится голова, начнется жар или боль — немедленно зовите Гаара. И помните: не пытайтесь покинуть комнату в одиночку.

— Помню, помню. Потому что я свободный гость, а вовсе не пленница.

— Потому что прямо сейчас во дворце слишком много тех, кто очень захочет увидеть чужемирку раньше, чем Его Высочество примет решение, — покачал головой лекарь. У самого выхода он обернулся и добавил тише: — И еще одно. Если кто-то станет задавать вам вопросы без прямого приказа принца, вы не обязаны отвечать ни на один из них. А теперь отдохните, Сейра.

Он вышел. Сейра осталась в огромных покоях совершенно одна. Она подошла к выходу, над которым висела узкая планка с надписью. Коснулась пальцами вырезанных узоров, ощущая подушечками шероховатые, холодные грани чужих символов. Дотронулась до деревянной панели. Защита, значит. Очень удобное слово для двери, которую она не могла открыть сама.

Внезапно в коридоре, прямо за дверью, раздались резкие, встревоженные голоса. Сначала Сейра услышала Гаара — его обычно спокойный, ровный тон сейчас сорвался на глухое предупреждение:

— Ваше Высочество, стойте! Без приказа принца Нейвара входить нельзя!

Глава 7. Старший сын

Тяжелая деревянная панель с грохотом отъехала в сторону. Этот уверенный, резкий звук ясно сказал: любые запреты во дворце существовали лишь до тех пор, пока в них не уперся кто-то достаточно влиятельный. Сейра вздрогнула и инстинктивно отступила на шаг, напряженно глядя на дверной проем.

В покои размашистым шагом вошел высокий мужчина в темном, богато расшитом золотом одеянии. Из-за его плеча почти сразу появился Гаар: бледный, напряженный, уже совсем не похожий на того спокойного стража, что стоял на часах четверть часа назад. Он явно пытался остановить вошедшего. И явно не мог сделать больше, чем последовать за ним.

Сейре хватило одного мимолетного взгляда, чтобы безошибочно узнать эту кровь. Вошедший не был точной копией Нейвара, но в резкой линии скул, черных волосах, тяжелой осанке и самой хищной привычке безоговорочно занимать собой все пространство чувствовалось прямое родство с императорским домом. Вот только Нейвар, при всей своей ледяной сдержанности, не казался жестоким, а в облике этого мужчины было слишком много уверенной надменности.

— Ваше Высочество, — мрачно произнес Гаар, делая отчаянную попытку преградить принцу путь. — Вход в эти покои закрыт. Принц Нейвар оставил прямой приказ.

Вошедший даже не обернулся на его слова. Он неторопливо оглядел комнату: резную ширму, примятую постель, бронзовую чашу с водой. Затем его взгляд остановился на Сейре: на странной одежде, длинных светлых волосах и кроссовках. Он рассматривал ее как вещь, которая неизвестно каким образом оказалась в чужих покоях.

Гаар не посмел больше стоять на пути у принца, но и не ушел. Он отступил ровно настолько, чтобы не коснуться его плечом, и сделал еще одну попытку:

— Мне велено не впускать никого без личного распоряжения наследника или командира стражи Кадара.

— Тогда считай, что ты честно исполнил свой долг, — снисходительно улыбнулся Айлор. — Ты произнес нужные слова при свидетеле. А теперь не усугубляй свое положение попыткой объяснить сыну императора, какие двери ему позволено открывать.

Гаар замолчал. Было очевидно, что будь на месте вошедшего кто угодно другой, разговор закончился бы еще снаружи. Но этот мужчина был братом Нейвара и сыном императора, а здешние приказы, похоже, ломались не о силу, а о титулы.

Старший принц теперь смотрел прямо на нее, заложив ладони за спину:

— Я Айлор Хаэн. Старший сын государя.

Сейра не пошевелилась. Возможно, ей стоило поклониться, но она понятия не имела, как именно здесь выражают почтение коронованным особам. Любой жест мог выйти неуклюжим и выдать ее растерянность, а продемонстрировать слабость перед этим человеком почему-то не хотелось.

Айлор удивленно приподнял брови:

— Вас не учили, как следует приветствовать старших по крови?

— В вашем дворце меня пока мало чему успели научить, — ответила Сейра, стараясь, чтобы голос звучал максимально ровно. — Все, что я пока усвоила, — это то, что мне нельзя отсюда выходить, а другим нельзя входить без особого распоряжения наследного принца.

Принц медленно прошел вглубь помещения, сокращая расстояние. С каждым его шагом комната, еще недавно бывшая огромной, казалась Сейре все более тесной. Он остановился в нескольких метрах от нее.

— Значит, вы и есть та самая женщина, которая прошла сквозь разрыв вместе с моим братом.

— Меня зовут Сейра.

— Имя не объясняет, кто вы такая и по какой причине оказались рядом с наследником в момент нападения.

— Мне и самой хотелось бы знать, — пробормотала она себе под нос.

— Что вы сказали?

— Я сама бы не прочь разобраться, — громче повторила она.

Айлор чуть подался вперед, словно прислушиваясь к самому ритму ее речи, улавливая чужой акцент. Под этим долгим взглядом Сейра физически ощутила, насколько нелепо выглядит в его мире в своем ветеринарном халате поверх футболки. Ей до зуда в ладонях захотелось сорвать с себя эту одежду, умыться и переодеться во что угодно местное. Просто чтобы перестать казаться диковинным мусором, который притащило во дворец вместе с раненым драконом. Для Айлора она сейчас и была такой вещью — трофеем сомнительного происхождения.

— Что вы сделали с моим братом Нейваром? — вдруг прямо спросил он.

— Ничего.

— Люди, которые ничего не сделали, обычно не оказываются под усиленной охраной в личных покоях принца, Сейра.

— Тогда задайте этот вопрос тому, кто принял решение меня здесь запереть.

— Но я задаю его вам, — Айлор плавно выпрямился, и в его глазах блеснуло что-то жестокое.

Сейра мельком взглянула на Гаара, но тот застыл у порога каменным изваянием. Помощи ждать было не от кого. Ей пришлось сделать глубокий вдох, успокаивая быстро забившееся сердце.

— В моем мире он умирал и нуждался в помощи, — твердо произнесла она, глядя старшему принцу прямо в глаза. — Я просто делала свою работу, лечила его и старалась не дать умереть.

Старший принц не шелохнулся, но его взгляд стал опасно внимательным:

— И в каком же виде мой брат принимал от вас эту... помощь?

Сейра уже открыла было рот, готовая выдать профессиональные подробности: про истощение, три недели в террариуме, воспаленный рубец на шее черного варана и судороги, от которых ящера выворачивало наизнанку. Но вовремя осеклась. На лице Айлора не было ни капли братской тревоги. В нем не проснулось сочувствие или хотя бы обычный интерес к здоровью родственника. Этот мужчина не искал способа помочь Нейвару, он искал его уязвимость.

Сейра считала это не столько умом, сколько тем самым чутьем, которое в клинике всегда безошибочно подсказывало ей, кто привез собаку лечить, а кто — проверить, насколько глубоко она ранена и можно ли ее уже от нее избавиться.

— Он был тяжело ранен, — она осторожно отступила еще на шаг назад, но уперлась в край стола. — Подробности его состояния вам лучше обсудить с врачом Эйвеном. Это его обязанности, не мои.

Губы Айлора тронула едва заметная, холодная улыбка:

— Вы слишком плохо знаете наш двор, чужемирка, чтобы указывать мне, у кого и что спрашивать.

— Возможно, — Сейра упрямо выдержала его взгляд. — Но я плохо знаю не только ваш двор, но и вас вижу впервые. Поэтому выйдите, пожалуйста, из моей комнаты и задавайте свои вопросы другим людям.

Боковым зрением она заметила, как Гаар едва заметно мотнул головой, беззвучно умоляя ее замолчать. Но тормозить было поздно. Айлор сделал быстрый шаг вперед, бесцеремонно нарушая ее личные границы.

— Осторожнее, — прошипел он, и в его ровном тоне впервые явственно проступила злость. — В этих стенах подобная прямота слишком часто граничит с дерзостью. А за дерзость здесь платят дорого.

— Тогда вам, наверное, стоит говорить со мной в присутствии того, кто умеет соблюдать здешние правила, — Сейра плотнее уперлась поясницей в деревянный край, понимая, что отступить больше некуда. Она упорно пыталась не выдать свой страх, но сердце предательски колотилось в груди. — Я действительно могу по незнанию ошибиться в формулировках.

Она не пыталась шутить или раззадорить его. Ее единственной задачей было удержаться на самой грани: не пресмыкаться, но и не провоцировать этого опасного мужчину, не отдавать ему больше информации, чем он уже успел получить от нее. Айлора ее храбрость, кажется, лишь позабавила.

— Вы отчаянно защищаете моего брата? Это похвально, — он медленно прошелся вдоль стола, лениво ведя пальцем по полированному дереву. — Вот только по-настоящему умные люди охотно отвечают на расспросы, когда оказываются в столь шатком положении.

— Разумные люди сначала проясняют, в чем именно это положение заключается.

— Вы — посторонняя женщина, возникшая из ниоткуда с едва живым наследником. Вас спрятали за спинами стражников, запретили допрашивать до особого распоряжения и скрывают от Совета. Думаю, для начала этого более чем достаточно, чтобы у меня возникли вполне определенные подозрения.

— Я никого не просила меня здесь прятать.

— И тем не менее вы тут, под замком и защитой Нейвара.

Айлор теперь стоял очень близко к ней. Он не кричал и не размахивал руками, но от него веяло сухой уверенностью того, кто уже мысленно вынес приговор, и никакие оправдания не могли изменить его решения.

— Что именно сказал вам Нейвар, когда пришел в себя? — он наклонился чуть ближе, и она уловила аромат дорогих благовоний, который исходил от него.

Сейра невольно сжала кулаки, чувствуя, как ногти до боли впиваются в ладони. Ей вспомнился слабый от боли голос наследника, его вопрос о том, не причинил ли он ей вред, твердое обещание отыскать путь домой. И ей почему-то подсознательно не хотелось давать Айлору слишком много сведений о Нейваре.

— Спросите у него сами, — отрезала она.

— Брат сейчас не в том состоянии, чтобы отвечать на мои вопросы.

— Значит, вам придется подождать, пока ему станет лучше.

Улыбка окончательно сползла с лица Айлора. В комнате повисла тяжелая, звенящая тишина, в которой стал отчетливо слышен мерный треск углей в чашах.

— Вы на удивление быстро освоились для той, кто попал в наш мир — если, конечно, вы действительно чужеземка, а не шпионка — лишь прошлой ночью.

— Я не освоилась, просто не вижу причин пересказывать личный разговор с тем, кто способен говорить за себя сам.

— Личный разговор? — Айлор тихо, презрительно фыркнул, и в его глазах проскользнуло нечто мерзкое. — В дворцовых коридорах Совет уже успел выстроить десяток версий. Одни считают вас живым оружием Ордена, другие — приманкой. Третьи, особенно простодушные, уверяют, будто ваше появление — чистая случайность. Но я посмотрел на вас поближе и склоняюсь к куда более простому варианту.

Сейра молчала, внутренне готовясь к худшему.

— Вы весьма недурны собой, — лениво продолжил старший принц, бесцеремонно оглядывая ее фигуру. — Такие красивые светлые волосы, стройная фигура, этот дерзкий взгляд, которым вы так яростно меня сверлите. Возможно, Совет зря ищет тонкий политический заговор там, где мой братец просто решил оставить вас себе как редкую, диковинную наложницу,

да еще, возможно, из другого мира. Хотя, — презрительно скривился он, — это не совсем типично для Нейвара.

Внутри у Сейры вспыхнуло глухое, злое возмущение. Щеки обожгло сильным жаром.

— Вы издеваетесь? — раздельно произнесла она, стараясь, чтобы голос не дрожал.

— Нет, — ухмыльнулся Айлор. — Просто говорю, что думаю.

Гаар сделал шаг ближе к ним от двери:

— Ваше Высочество, прошу вас...

— Встань на место и закрой рот, — отчеканил принц, даже не повернув головы в сторону стражника. — Я разговариваю не с тобой.

Сейру передернуло — даже не от слов, а от того, как спокойно и буднично он это сказал. Без злости или похоти, просто как факт: для него она была какой-то бесправной девкой, которую его брат подобрал и оставил себе.

Наверное, сейчас надо было заткнуться и промолчать. Но после этой дикой ночи, подземелья и чужих приказов у нее внутри просто что-то лопнуло. Сил терпеть еще и это у нее больше не осталось.

— Знаете, — проговорила Сейра, ощущая, как от злости сбивается дыхание, — в моем мире мужчины, которые так разговаривают, рискуют получить по лицу.

Во взгляде Айлора отразилось искреннее, глубокое изумление.

— Неужели? — вкрадчиво спросил он.

— Да. Хотя, возможно, в вашем прекрасном дворе вас просто слишком редко просили закрыть рот и выйти вон.

Сейра поняла, что совершила ошибку, в ту же секунду. Лицо Айлора мгновенно изменилось: с него слетело ленивое высокомерие, обнажив глухую ярость. Одним коротким, хищным движением он шагнул к ней. Сейра дернулась, но лакированное дерево стола больно врезалось в бедра. Айлор навис над ней так близко, что она почувствовала жар его тела. Угроза вдруг стала реальной. Если этот мужчина сейчас поднимет ладонь, она просто не успеет закрыться.

— Ты забываешься, — тихо, со свистом выдохнул Айлор ей прямо в лицо. — И делаешь это очень невовремя.

— Я просто объясняю вам ваши ошибки на вашем языке так хорошо, как могу, — из последних сил стараясь не терять самообладание ответила она.

Он вскинул руку, и Сейра зажмурилась, судорожно втянув голову в плечи и внутренне приготовившись к удару.

— Айлор!

Голос долетел со стороны порога. Он не был громким, скорее сорванным, хриплым, но поднятая ладонь старшего принца намертво застыла в воздухе в нескольких сантиметрах от щеки Сейры. Она не сразу заставила себя открыть глаза. В проеме раздвижной панели, тяжело опираясь рукой о резной деревянный косяк, стоял Нейвар. На нем были наспех накинутый темно-зеленый домашний халат, едва перехваченный поясом на талии. Лицо казалось серым от крайнего истощения, у висков по влажной коже стекали капли пота, а дыхание все еще было неровным. Позади него, готовый в любую секунду подставить плечо, застыл Кадар. Его ладонь лежала на рукояти клинка, а лицо превратилось в каменную маску. Было очевидно: командир стражи до последнего пытался удержать принца в постели, но тот не слушал доводов разума.

Айлор опустил руку медленно, с демонстративным изяществом, словно это было его личное, взвешенное решение, а не вынужденное подчинение.

— Тебе следовало оставаться в постели, брат, — невозмутимо проговорил он, разворачиваясь лицом к наследнику.

Нейвар проигнорировал его реплику. Его взгляд скользнул по фигуре Сейры, отмечая ее позу, побелевшие пальцы, судорожно вжавшиеся в край стола, и пунцовый жар на щеках.

— Он причинил вам вред? — хрипло спросил младший принц, глядя только на нее.

Сейра с трудом сглотнула застрявший в горле ком. Потребовалось несколько секунд, чтобы легкие снова начали нормально работать.

— Нет, — выдохнула она, — не успел. Но да, если вам интересно, я испугалась.

Признание вышло честным. Перед лицом этой поднятой руки отрицать очевидный страх было бы просто глупо. Нейвар коротко, веско кивнул, принимая ее слова как неоспоримый факт, и перевел тяжелый взгляд на старшего брата.

— Ты вошел в эти покои вопреки моему приказу, Айлор, — в его голосе не было крика, но от этой ровной, низкой интонации даже Гаар у открытой дверной панели выпрямился еще сильнее. — И ты поднял руку на женщину, которую мой Огонь взял под защиту. Если у тебя имелись вопросы ко мне, тебе следовало прийти в мои покои, не в ее.

Айлор небрежно убрал ладони за спину, лениво качнувшись на пятках:

— Я пришел лично взглянуть на причину, по которой вокруг обычной гостевой комнаты за несколько часов выстроили больше запретов, чем вокруг залов Малого Совета. Ты притащил из разрыва девку, которую никто в глаза не видел, и с ходу защищаешь ее своим Огнем. Это не семейная интрижка, Нейвар. Это прямая угроза безопасности правящего дома.

— Безопасность дома не дает тебе права вламываться сюда и срывать злость на беззащитных.

— Беззащитных? — старший принц коротко, фальшиво рассмеялся. — Если эта диковина пугается обычного разговора, возможно, ей действительно не место рядом с тобой.

— Ты вошел в мои покои без разрешения и допрашивал женщину, находящуюся под моей защитой. Ты уже получил больше, чем имел право. Выйди.

Айлор внимательно взгляделся в лицо брата, и его ленивая маска невозмутимости дала трещину:

— Ты едва держишься на ногах, Нейвар. И все равно пришел сюда ради чужемирки, о которой знаешь не больше моего. Ты хоть понимаешь, как это выглядит со стороны? Что скажет Совет?

— Совет здесь ни при чем, — произнес Нейвар. Его спина оставалась прямой, но по напряжению в уголках губ Сейра видела, какой ценой ему это дается. — Это мои покои и мой приказ. И женщина, которую я велел не трогать.

Айлор изумленно изогнул бровь:

— Ты так яростно защищаешь эту женщину. Bravo, Нейвар. Быстро.

— Ей чужд наш мир, — ответил Нейвар, не обращая внимания на глумления старшего брата. — Она не знает наших законов, не понимает здешних порядков и оказалась в этом дворце против собственной воли. Это повод обращаться с ней осторожнее, а не вламываться в ее комнату и проверять, как далеко тебе позволят зайти.

В глазах Айлора мелькнуло яростное понимание: сейчас он не мог переступить эту черту без открытого вызова.

— Ты всегда умел называть собственные слабости долгом, — бросил он, делая шаг к выходу.

— А ты всегда умел путать чужую беспомощность с разрешением, — в тон ему отозвался Нейвар. — В моем крыле так не будет.

— Посмотрим, как долго ты удержишь эту империю, когда займешь место отца, если станешь принимать под защиту каждую чужачку, появившуюся у твоего порога при подозрительных обстоятельствах, — усмехнулся брат.

Уже дойдя до порога, он вдруг обернулся:

— Отец все равно узнает.

— Разумеется, — отрезал Нейвар. — От меня.

Шаги старшего принца наконец затихли в глубине галереи, и только тогда Сейра медленно разжала почти сведенные судорогой пальцы. В комнате какое-то время было тихо. Затем Нейвар сделал глубокий вдох и пошатнулся. Кадар тут же шагнул ближе, подставляя плечо.

— Господин...

— Подожди, — Нейвар жестом остановил его и посмотрел на Сейру: — Он точно не причинил вам боли?

— Нет, — покачала она головой, чувствуя, как внутри медленно отпускает напряжение. — Все в порядке, не волнуйтесь.

— Он не имел права входить сюда.

Сейра промолчала, понимая, что любые слова сейчас будут лишними. Принц повернулся к застывшему у входа стражнику, и его тон снова стал сухим и командным:

— Гаар, если подобное повторится, не пытайтесь вступать с Айлором в долгие споры. Немедленно посылайте за Кадаром или докладывайте лично мне. Если и это по каким-то причинам недоступно, требуйте вмешательства императора. Один вы не сможете совладать с моим братом.

Стражник низко склонил голову:

— Да, господин.

Нейвар снова перевел взгляд на Сейру:

— Я не могу обещать, что мой брат не попытается ворваться в ваши покои снова. Но теперь он будет осторожнее и не посмеет тронуть вас.

Она лишь молча кивнула. Сил говорить дальше просто не было.

Кадар шел рядом, готовый в любой момент подставить плечо. Было видно, чего Нейвару стоил этот путь: тело держалось на упрямстве, а лицо приобрело сероватый оттенок. На самом пороге он остановился:

— Сейра.

Она подняла глаза. Он всматривался в ее лицо, словно хотел добавить что-то еще, но вовремя остановил себя, не желая давать пустых обещаний.

— Отдыхайте, — устало проговорил он наконец. — И не отвечайте никому, кто посмеет войти сюда без моего ведома.

— Хорошо.

— Я постараюсь, чтобы подобное больше не повторилось, — неожиданно мягко произнес он.

Тяжелая деревянная панель мягко скользнула в сторону, закрываясь за мужчинами, и в комнату снова вернулась тишина. Сейра обессиленно опустилась на край низкой постели, не сводя взгляда с потемневшего дерева. Теперь эта тишина за закрытыми дверями больше не гарантировала ей безопасность.

Глава 8. Шарран

К вечеру второго дня Сейра снова подошла к раздвижной панели и замерла, прислушиваясь. За дверью стоял страж. Она уже научилась различать этот едва слышимый металлический шелест: ременная застежка касалась ножен, стоило человеку перенести вес с ноги на ногу. За двое суток взаперти она выучила слишком много таких мелочей.

После ухода Айлора и Нейвара ей быстро помогли привести себя в порядок. Служанки принесли горячую воду, чистые полотенца, мягкое нижнее платье и свободный халат из тонкой ткани. Волосы промыли от песка, ссадины смазали прохладной мазью, запястье еще раз осмотрел Эйвен. Он задал несколько коротких вопросов, велел отдыхать и ушел так быстро, будто во дворце его ждали еще десять человек с переломами, ожогами и родовыми проклятиями.

Кормили тоже сытно: приносили мясное рагу, рис с травами, лепешки со сладкой начинкой из неизвестных ей фруктов или ягод, жареную птицу под темным кисло-сладким соусом, фрукты и крепкий травяной чай.

Все вокруг было чистым, красивым, ее окружили заботой, к которой она совсем не привыкла. Но одно серьезно омрачало ее пребывание в этом новом мире — выйти из комнаты без разрешения ей не позволяли.

Нейвар не появлялся. Кадар тоже. Приказы и вести передавались через Гаара или немногословных служанок. На вопросы о наследнике Сейра получала вежливое, заученное: «Его Высочество в порядке», и «вам ничего не угрожает, пока вы остаетесь в своих покоях».

Последнее ее абсолютно не устраивало.

Мейлу приставили к ней утром первого дня, как личную служанку. Девушка была юной, ниже Сейры, с гладко убранными темными волосами и внимательными пугливыми глазами. Сначала она говорила почти шепотом и не поднимала взгляда. Но к исходу вторых суток Сейра уже знала: Мейла умеет ходить бесшумно, избегает лишних вопросов и каждый раз незаметно пододвигает чашку с чаем к левой руке — туда, где у Сейры меньше болело растянутое запястье.

Когда наконец пришло разрешение выйти в сад, Мейла принесла платье для прогулки. Темно-зеленый шелк с тонкой золотистой вышивкой у ворота нежно переливался в ее руках. Сейра взяла ткань двумя пальцами и поморщилась:

— Я даже знать не хочу, сколько стоит один этот рукав.

Мейла промолчала, но по ее лицу Сейра поняла: знать действительно не стоит.

С внутренними завязками она честно боролась минуты две, потом сдалась:

— В моем мире, если вещь нельзя надеть самой, я начинаю подозревать, что это не платье, а ловушка.

Мейла впервые улыбнулась. Улыбка получилась быстрой и короткой, будто она сама не ожидала от себя такой смелости, но все же это была улыбка. Сейра решила, что девушка ей определенно нравится.

Сад начинался сразу за открытой галереей. Вечерний воздух пах нагретой водой, старым деревом и сладковатой горечью незнакомых цветов. Вдоль дорожек стояли низкие каменные чаши, в которых плавали широкие листья с голубоватыми прожилками. Над прудами покачивались фонари в молочно-белых колпаках. Их еще не зажгли, и в сумерках они казались почти прозрачными.

У самой воды росли крупные цветы на высоких темных стеблях, похожие на пионы, только густо-алые у основания, золотисто-оранжевые по краям лепестки имели вытянутую форму. Когда ветер слегка касался их, цветы напоминали языки пламени.

Сейра замедлила шаг:

— Красивые.

— Саэр-лиан, — отозвалась Мейла. — Означает «драконье пламя». Их сажают только у воды, потому что без влажной земли они быстро гибнут.

Сейра перевела взгляд с алых лепестков на темную гладь пруда:

— Огонь, которому нужна вода. Почему у вас тут все так сложно?

Мейла не сразу поняла, шутит она или нет.

— Не все, госпожа, — осторожно ответила она.

— Это утешает.

Они пошли дальше. Дворец остался за спиной, и здесь дышалось легче, чем в северном крыле. Сейра успела сделать несколько нормальных вдохов, когда впереди резко плеснуло. Через мгновение всплеск повторился. За деревьями послышался быстрый и напряженный женский голос, ему ответили два других, высокие и явно испуганные. Вода ударила о камень так сильно, будто в пруду перевернули лодку.

Сейра остановилась. За деревьями, похоже, тяжело хрипело крупное животное.

— Там что-то случилось, — сказала она.

Мейла побледнела:

— Госпожа, может быть, лучше подождем, пока стража подойдет ближе?

— Не надо. Я только посмотрю.

Сейра понимала, что идет туда, куда ее никто не звал. Но хрип повторился, и она пошла быстрее. Дорожка вывела их к широкому пруду, обложенному темным камнем. У воды стояли три девушки: две, мокрые от брызг и растерянные, были в простых платьях служанок, третья стояла почти на коленях у самой кромки. Поверх платья на ней был грубый рабочий халат, рукава подвязаны выше локтей, ладони измазаны илом. Темные волосы выбились из прически, и влажные пряди прилипли к щеке.

В пруду тяжело ворочалось существо размером с небольшую лодку. Сначала Сейра подумала о черепахе, но сходство оказалось поверхностным. Панцирь был широкий, низкий, вытянутый, с костяными выступами по краю, у основания длинной гибкой шеи темнели кожистые гребни. Вместо лап из-под панциря выходили мощные ласты с когтистыми краями, а хвост бил по воде так, что брызги долетали до плит.

Существо хрипело, разворачивалось боком и каждый раз, когда к нему тянулись длинные бледные стебли из корзины, резко уходило назад.

Сейра остановилась у края площадки. Животное защищалось. Это было видно сразу.

Девушка у воды обернулась. Ее взгляд скользнул по Мейле, стражам за спиной и остановился на Сейре.

Она явно узнала ее.

— Вы Сейра, не так ли? — полувопросительно сказала она.

Мейла рядом едва слышно выдохнула:

— Ваше Высочество

Очевидно, это была принцесса. Сестра Нейвара? Сейра коротко склонила голову:

— Приветствую вас, Ваше Высочество.

— Значит, это вы та женщина, которая явилась из разрыва с моим братом. Я слышала о вас. Вы — лекарь для зверей. Так мне сказал Эйвен.

— Да, Ваше Высочество.

Девушка задержала на ней взгляд. Черты у нее были мягче, чем у Нейвара и Айлора, глаза теплые, янтарно-карие, волосы почти черные. Но держалась она так, что спорить с ней захотелось бы только человеку с очень плохим инстинктом самосохранения.

Вода снова ударила о камень, и принцесса повернулась к пруду.

— Если вы правда умеете обращаться с ранеными животными, мне пригодилась бы ваша помощь сейчас.

— Я лечу животных, — осторожно ответила Сейра, — но такое существо вижу впервые и могу ошибиться. Если позволите, я, конечно, посмотрю.

— Он не ест третий день, — после короткой паузы сказала принцесса, не оборачиваясь. — Сегодня вообще никого не подпускает. Даже меня.

Последние слова прозвучали тише.

— Что это за существо? — спросила Сейра.

— Шарран, — ответила принцесса. — Я назвала его Шарр.

Имя у существа было. Значит, оно не просто жило в саду, а было личным питомцем дочери императора.

— Можно мне взять один стебель?

Принцесса кивнула, и Сейра взяла длинный мягкий стебель и медленно опустилась на корточки у края плиты. Она не знала шарранов, их привычек и слабых мест, поэтому держалась ниже, руки оставила на виду и двигалась медленно, чтобы Шарр видел каждое движение.

Она положила стебель ближе к воде, прямо перед его мордой.

Это оказалось ошибкой.

Шарр дернулся без всякого предупреждения. Сейра едва успела убрать руку, как вода вспенилась, и существо рывком выскочило вверх. Огромная пасть широко распахнулась, и Сейра увидела множество тонких острых зубов. Брызги хлестнули ей в лицо и по груди, и она испуганно отшатнулась. Одна служанка вскрикнула, другая выронила корзину со стеблями. Принцесса тоже подалась назад, но тут же замерла на месте и протянула к животному руку.

Несколько секунд слышно было только тяжелое дыхание вернувшегося в воду шаррана.

— Простите, — сказала Сейра, стирая воду с лица. — Это была моя ошибка.

Принцесса перевела на нее напряженный взгляд:

— Ошибка?

— Я положила корм слишком прямо. Он воспринял это как угрозу и закрылся.

— Он всегда брал еду из рук.

— Значит, сейчас что-то мешает.

Сейра снова посмотрела на животное. После рывка стало заметнее: когда Шарр пытался податься вперед, правая передняя лапа раскрывалась не до конца. Движение было коротким, будто сустав цеплялся за что-то под панцирем.

— Кажется, он бережет правую сторону.

— Где?

Принцесса повернулась к воде слишком резко, и Шарр снова дернулся.

Сейра подняла ладонь:

— Подождите. Сейчас нам не стоит двигаться быстро.

Принцесса замерла:

— Вы что-то заметили?

— Правый передний лап не раскрывается полностью. Давайте положим корм сбоку, чтобы он повернулся иначе. Не к морде, а к здоровой стороне.

— Вы говорите «давайте» так, будто сами не уверены.

— Я и не уверена, — честно ответила Сейра. — Это не мое животное и не моя привычная анатомия. Но он злится не просто так. Скорее всего, ему больно.

— Попробуем, — устало кивнула принцесса.

Сейра взяла второй стебель и положила его дальше, сбоку, потом отступила.

— Он узнает ваш голос?

— Конечно, ведь я сама его кормлю с детства.

— Тогда говорите с ним. Не уговаривайте есть, просто разговаривайте, как обычно.

Принцесса опустилась на колени у мокрой плиты, ее ладони легли на темный камень:

— Шарр, — тихо позвала она. — Ну что ты устроил, упрямец? Я здесь, слышишь? Я не причину тебе вреда.

Голос у нее стал мягче, и животное медленно повернуло массивную голову на звук. Сразу не подплыл, но хвост перестал бить по воде. Когда Шарр наконец медленно подался к стеблю, край панциря приподнялся, и у основания лапа мелькнуло что-то черное — тонкий острый осколок, застрявший под костяным краем.

— Там что-то есть, — прошептала Сейра.

Принцесса резко вдохнула, но не двинулась:

— Что?

— Черный, узкий осколок. Похоже, он застрял под панцирем, поэтому ему больно двигаться.

Одна из служанок побледнела:

— Но в этом пруду нет черного камня, Ваше Высочество.

— Значит, это не из пруда, — ответила Сейра вместо принцессы. — Сейчас важнее вытащить его и не порезать глубже.

Шарр ухватил стебель, сжал его тупой пастью, но почти сразу отпустил и снова хрипло выдохнул. Принцесса смотрела на него, не моргая.

— Я обычно чувствую его, — сказала она тихо. — Без слов. Я всегда знаю, когда он напуган, когда злится или когда ему больно. А сейчас не могу до него дотянуться.

— Из-за боли?

— Нет, боль я бы почувствовала, страх тоже. — Она посмотрела на темную воду у правого бока Шарра: — А там будто шум. И он не его.

Сейра промолчала. Боль объясняла отказ от еды и злость. Но шум?

— Нужен небольшой нож, — сказала она. — Острый и тонкий. И человек, которому он доверяет.

Гаар, до этого державшийся поодаль, подошел ближе:

— Госпожа Сейра, давать оружие вам не позволено, — сказал он ровно.

— Я и не прошу, — огрызнулась она. — Сегодня я стараюсь не устраивать дипломатических катастроф чаще одного раза за вечер.

Мейла тихо кашлянула, пряча улыбку.

Принцесса выпрямилась:

— Дайте нож мне.

Старшая служанка вынула из складок пояса маленький садовый нож с коротким изогнутым лезвием.

— Я могу только подсказывать, — сказала Сейра. — Вы решаете, делать или нет.

— Говорите.

— Подойдите сбоку, пока он слушает ваш голос. Лезвие держите ниже, чтобы он не увидел блеск перед глазами, и постарайтесь подцепить осколок с края. Если дернется, сразу назад.

— Сразу назад, — напряженно глядя на шаррана, повторила принцесса.

— Даже если покажется, что почти получилось, — кивнула Сейра.

Принцесса снова повернулась к шаррану и заговорила. Он следил за ней темными блестящими глазами. Вода вокруг панциря пошла мелкой рябью, но хвост больше не бил.

Сейра отступила в сторону, освобождая место. Остальные с тревогой наблюдали за принцессой.

Нож скользнул низко, почти касаясь воды.

— Медленно, — сказала Сейра. — Он пока не спокоен.

Изогнутое лезвие ушло под край панциря. Секунду ничего не происходило. Потом Шарр резко дернулся.

— Назад!

Принцесса отпрянула. Вода взметнулась, брызги ударили по плитам, и в тот же миг из-под края панциря выскочило что-то черное. Осколок звякнул о камень и остался лежать у самой воды. Сейра встала на колени, чтобы рассмотреть его поближе: он был тонким, острым, с неровным краем, похожим то ли на стекло, то ли на камень. Слишком темный и слишком гладкий для обычного камня.

У основания лапы проступила багровая воспаленная полоса.

— Вот почему он не ел, — выдохнула Сейра. — Осколок царапал каждый раз, когда он двигался.

Принцесса смотрела на находку:

— Это не может быть случайностью

— Вы уверены?

— Здесь следят за водой. Каждую ночь.

Сейра наклонилась ближе, не трогая осколок. От него пахло илом и чем-то еще — горьким, травяным и неприятным.

— Странный запах. Может, местная водоросль? Я не знаю ваших растений.

— Я знаю, — тихо ответила принцесса. — И это не они.

Шарр медленно потянулся к стеблю, лежавшему на камне, и начал жевать. Одна из служанок всхлипнула от облегчения.

— Он ест, Ваше Высочество, — прошептала Мейла.

Но принцесса не улыбнулась.

— Шарр, — позвала она.

Существо узнало ее голос и подняло голову.

— Ему легче. Но я все равно не могу до него дотянуться, — едва слышно проговорила принцесса.

Гаар посмотрел на осколок:

— Ваше Высочество, находку лучше передать лекарю.

— Ты прав.

Только теперь принцесса словно вспомнила о мокром халате, иле на руках и Сейре, которая стояла рядом в дорогом платье, забрызганном водой. Она повернулась к ней, и теперь ее взгляд был дружелюбным:

— Я Шаэлла Хаэн.

Сейра осторожно склонила голову, жест вышел достаточно вежливым, но без подобострастия.

— Как вы уже знаете, меня зовут Сейра.

— Да, о вас много говорят во дворце.

— Ничего хорошего, подозреваю.

Шаэлла едва заметно усмехнулась:

— Разное. Но тревожные слухи по дворцу обычно разносятся быстрее.

Сейра тихо фыркнула. Шаэлла посмотрела на ее платье и мокрые пятна:

— Простите за платье.

— Я все равно не была уверена, что заслужила этот шелк без боевого крещения.

— Это не повод для шуток. Он бы мог ударить сильнее.

— Тогда мне повезло.

Шаэлла улыбнулась и вытерла нож о край рабочего халата, затем аккуратно, стараясь не касаться его голыми пальцами, завернула черный осколок в кусочек ткани. Шарр, жующий у воды второй стебель, вдруг перестал двигаться и поднял голову. Его длинная шея вытянулась, гребни у основания чуть приподнялись.

Он смотрел мимо Сейры и Шаэлла, прямо на сверток. Низкое шипение прокатилось над водой. Мейла отступила на полшага. Шарран, еще минуту назад слишком измученный даже для еды, теперь хрипло и зло выдыхал, не сводя с мокрой ткани влажных темных глаз.

Шаэлла замерла.

— Он боится его, — сказала она.

Сейра посмотрела на сверток, потом на темную воду и багровую полосу у основания лапы, которая уже скрылась под панцирем.

— Я не уверена, но, думаю, это надо показать Эйвену, — сказала Сейра. — И Нейвару тоже.

Шаэлла сжала ткань крепче:

— Покажу.

Глава 9. Совет

Утро началось с того, что Мейла вошла в покои раньше обычного и поклонилась так осторожно, будто боялась разбудить не хрупкую девушку, а целую стаю голодных шарранов. Сейра уже не спала. Она сидела у низкого столика у окна и пыталась понять, из каких трав заварен местный чай. Пах он приятно, на вкус был терпкий, а действовал примерно как голос старшего врача, то есть бодрил грубо, но эффективно.

— Ты рано. Что-то случилось? — спросила она, отставляя чашку.

Мейла слегка поклонилась:

— Его Высочество наследный принц просит вас явиться к нему.

Сейра удивленно приподняла брови. Нейвара она не видела уже два дня. С того самого дня, когда он появился на пороге ее покоев и заставил Айлора отступить. После этого были только служанки, Эйвен, стражи у двери, Шарр, испорченное платье и черный осколок, от которого огромное животное шарахнулось сильнее, чем от собственной боли.

— Просит? — невозмутимо уточнила она. — Или приказывает?

— Его Высочество... просит, — поколебавшись, ответила Мейла.

— Прекрасно, — пробормотала Сейра. — Как будто я могу отказаться в любом случае.

— Было приказано собраться быстро, госпожа.

— Так все-таки приказано, — вздохнула она, вставая. — Ладно, тогда одеваюсь.

Мейла расстелила на кровати платье цвета серого жемчуга. Ткань была дорогой, плотной, с мягким матовым блеском, но без вышивки на рукавах, без золотой отделки и без тех завязок, которые вчера пытались победить Сейру в честном бою.

— Сегодня попроще, — заметила Сейра.

— Это хорошая ткань, госпожа, — поспешно заверила ее Мейла.

— Верю. Просто после того, как я вчера чуть не утопила дорогой шелк в пруду, мне, видимо, решили больше не доверять ничего торжественнее занавески.

— Госпожа, это не занавеска! — воскликнула девушка.

— Жаль, — философски заметила Сейра, — в занавеску было бы проще завернуться.

Мейла еле заметно улыбнулась, потом быстро помогла ей одеться. Когда она закончила, Сейра посмотрела в зеркало на стене. Серо-жемчужное платье сидело идеально: закрытый ворот, длинные рукава, подол до самых щиколоток. Волосы Мейла убрала в низкий узел, оставив у лица несколько светлых прядей. Сейра выглядела спокойнее, чем чувствовала себя на самом деле.

Путь к кабинету Нейвара шел через внутреннюю галерею северного крыла. Утренний свет ложился на темное дерево решеток тонкими полосами. За открытыми панелями виднелся сад, и где-то далеко мерно шумела вода.

У кабинета наследника Гаар остановился и негромко доложил о ней.

— Пусть войдет, — раздалось в ответ.

Голос Нейвара был таким же низким и красивым, каким она его помнила, но теперь звучал ровно и совершенно по-человечески. Сейчас в нем не было хрипа, звериного надлома и той усталости, которую она слышала в день, когда он пришел защитить ее от Айлора.

Кабинет оказался просторным и строгим: темное дерево, низкий широкий стол, свитки в нишах, несколько тяжелых кресел у стены. Окно выходило во внутренний двор. На столе стояла изящная фарфоровая чашка с нетронутым чаем.

Нейвар стоял у стола. Темные длинные одежды сидели на нем безупречно, прямые черные волосы были аккуратно уложены, выражение лица было спокойным и собранным. Сейчас перед ней был не раненый дракон из камеры и не мужчина, едва удержавшийся после срыва, а наследный принц Хаэн.

Кадар стоял у окна справа, Эйвен расположился у кресла, опершись на его спинку обеими руками.

Сейра остановилась у порога.

— Вижу, вам лучше, — пробормотала она.

Нейвар чуть заметно приподнял бровь:

— Так и есть, но вы как будто удивлены.

— Скорее радуюсь. В прошлый раз вы выглядели так, будто могли упасть, но не падали из принципа.

— Принципы иногда оказываются полезными.

— В вашем дворце, судя по всему, без них вообще не выжить.

На этот раз в его взгляде на мгновение мелькнула настоящая улыбка. Но он тут же посе-
ррезнул.

— Простите, — вдруг сказал он.

— За что? — удивилась она.

— Я должен был предупредить вас раньше, но мне самому сообщили чуть более часа назад. Айлор потребовал срочного собрания Совета.

Она перевела взгляд с него на Кадара, потом на Эйвена.

— Совета? — переспросила она. — А я при чем?

Эйвен устало потер переносицу:

— Боюсь, что Совет собирают из-за вас, Сейра.

Нейвар обошел вокруг стола и остановился перед ней.

— Совет хочет понять, кто вы, откуда пришли, как оказались рядом со мной, почему понимаете наш язык и что знаете о разрыве... Возможно, что-то еще.

— То есть допрос, — нервно заметила она.

— Да.

Честный ответ сейчас оказался неприятнее вежливого. Сейра сцепила пальцы перед собой и заставила себя не оглядываться на дверь.

— И что мне говорить?

— Правду, — ответил Нейвар. — Но только на заданный вопрос. Вы не должны объяснять лишнего. И не спорьте с Айлором, если сможете. Я знаю своего старшего брата: он будет добиваться не правды, а вашей ошибки.

— Хорошо, — кивнула Сейра.

Нейвар, кажется, ожидал от нее привычной иронии. Но сейчас ей действительно было не до шуток. На Совете одно лишнее слово могло стать доказательством против нее.

— Если не знаете ответа, так и говорите, — добавил Кадар. — Не пытайтесь угадать, чего от вас хотят.

— Не волнуйтесь, — тихо отозвалась Сейра. — Я и в своем мире не всегда понимала, чего от меня хотят.

Эйвен едва заметно усмехнулся. За дверью слышались шаги, затем раздался голос Гаара:

— Совет собран, Ваше Высочество. Вас ожидают.

Нейвар кивнул, глядя на Сейру:

— Идемте.

Они пошли в центральную часть дворца. По крайней мере, так подумала Сейра, видя, как менялась охрана: стражников становилось больше, одежда на них была богаче, а взгляды — тяжелее. Коридоры расширялись, потолки поднимались выше, и каждый следующий поворот казался слишком торжественным.

У подножия широкой лестницы, ведущей в тронный зал, Нейвар остановился:

— Госпожа Сейра.

— Да?

— Я рядом.

Их взгляды встретились. Сейчас он произнес те слова, которые она повторяла черному варану на протяжении трех недель.

— Я знаю, — стараясь не выдать внутреннюю дрожь, ответила она.

Они поднялись по ступеням, и тяжелые двери тронного зала тут же распахнулись перед ними.

Зал оказался огромным. Высокие колонны уходили вверх, к расписным балкам, по гладкому каменному полу тянулись длинные полосы утреннего света. В дальнем конце, на возвышении, сидел император Халван. Сейра сразу узнала его, хотя видела лишь раз у постели Нейвара той ночью. За правым плечом императора стоял высокий, широкоплечий мужчина с седыми нитями в темных волосах. Она уже знала от Мейлы, что его зовут Сорхан, и он личный страж императора.

По обе стороны от центрального прохода стояли советники и придворные. Те, что справа, носили одежды глубокого синего и темно-зеленого цветов. Левый ряд был облачен в бордовые и черные одеяния с узкой золотой отделкой.

Их было много. Гораздо больше, чем Сейра ожидала. В первых рядах стояли те, кого явно слушали остальные: пожилой мужчина в темно-синем с серебряной застежкой у горла, сухой высокий придворный в бордовом, женщина с гладко убранными седыми волосами и узкими золотыми пластинами на поясе, еще несколько человек, к которым то и дело склонялись младшие советники. За ними располагались остальные: молчаливые, внимательные, готовые поддержать нужное слово коротким кивком или тяжелым молчанием. У стен стояли младшие чиновники и дворцовая стража.

Слишком много глаз для одного человека, который всего несколько дней назад думал, что самая большая ее проблема — трещина на стекле вольера.

Айлор находился слева от императора, чуть ниже возвышения. Красивый, безупречно одетый, с холодным лицом человека, который предвкушал интересное зрелище.

Нейвар прошел к трону и занял место справа от отца. Сейру же провели по широкому проходу и поставили прямо перед тронном императора. Ну, хоть на колени не заставили вставать.

Император Халван заговорил первым. Как только зазвучал его голос, шорохи и шепот в зале сразу стихли.

— Госпожа Сейра, мы приветствуем вас.

— Ваше Величество, доброго вам здравия, — неуверенно промямлила она, надеясь, что за намеки на здоровье императора здесь не отрубают голову.

— Вы знаете, зачем вас позвали?

Сейра почувствовала на себе взгляд Нейвара. И еще десятки глаз, которые обратились к ней.

— Полагаю, Совет хочет понять, кто я и представляю ли опасность для вас.

Император чуть заметно кивнул:

— И это тоже.

Один из советников справа, в темно-синем, раскрыл узкую папку.

— Назовите ваше полное имя.

— Сейра Ларсен.

— Ваш род?

— В моем мире это не имеет такого значения, как здесь. Я не принадлежу к знатной семье.

— Место рождения?

Она назвала город, хотя никто из присутствующих, конечно, не мог знать об этом месте.

— Почему вы понимаете наш язык?

— Не знаю.

— Почему говорите на нем без обучения?

— Не знаю.

— Как оказались рядом с наследным принцем в момент возвращения?

Сейра глубоко вдохнула:

— Я лечила животное, которое считала черным вараном. Оно было ранено и находилось у нас в центре почти три недели. До этого его привезла служба изъятия из частной коллекции. Где оно было раньше и сколько пробыло в моем мире до центра, я не знаю. Ночью ему стало хуже, и я вошла к нему, коснулась раны у основания шеи, после этого произошла вспышка. Когда пришла в себя, оказалась здесь. А рядом уже был дракон... то есть наследный принц.

В зале повисла тишина. Советники молчали, но Сейра увидела, как они переглядывались и с недоумением качали головой. Или с недоверием.

Айлор чуть склонил голову:

— Вы утверждаете, что приняли наследника Хаэн за обычного... ящера?

Голос у него был мягким и вкрадчивым, почти ласковым.

— В моем мире драконов не существует, Ваше Высочество, — ответила Сейра, прямо глядя на него. — Существо выглядело как крупный раненый варан. И да, варан — это ящер. Тогда я не могла знать, что это Его Высочество.

Один из советников в темно-зеленом сделал шаг вперед и поклонился императору:

— Ваше Величество, личный лекарь наследного принца утверждает, что ее присутствие помогло наследнику.

Мужчина в бордовом тоже резко шагнул ближе к трону.

— И именно это должно тревожить нас сильнее всего, — громко заявил он. — Мы не можем проверить ее слова, но видим слишком много совпадений: она утверждает, что появилась из разрыва, но говорит на нашем языке; уже допущена в северное крыло, хотя мы почти ничего о ней не знаем. Разве этого мало, чтобы хотя бы на время отвести ее от наследника?

— Опасность нельзя объявлять доказанной только потому, что кому-то так удобно, — возразил советник в синем.

— В заключении лекаря слишком много неясного, господин Го, — не сдавался мужчина в бордовых одеждах.

— Потому что я отвечаю только за то, что могу подтвердить, — подал голос Эйвен.

— Вы можете подтвердить, что ее присутствие безопасно?

— Я могу подтвердить, что удаление госпожи Сейры от наследника сейчас нежелательно.

— Почему же?

— Это личное дело наследного принца, у меня нет права разглашать тайны его высочества. Однако Его Величество в курсе, и я при императоре клянусь, что говорю правду.

Сейра внимательно слушала их обсуждение. Никто не говорил о боли Нейвара, рубце или о том, как он схватил ее за руку и приказал не трогать. Очевидно, это был тот секрет, о котором не стоит знать даже влиятельным людям империи.

Айлор молчал дольше всех. Он слушал спор с легкой полуулыбкой, не вмешиваясь. Когда голоса стихли, он наконец спокойно и веско проговорил:

— Подведем итог: перед нами женщина неизвестного происхождения, она появилась из разрыва вместе с наследником, ее никто не учил, но она знает наш язык. К тому же не может объяснить природу своей связи с произошедшим. До завершения проверки ее следует перевести в отдельное охраняемое крыло. С доступом лекаря, если это необходимо. Но без допуска к внутренним покоям наследника.

У Сейры похолодели пальцы. Отдельное охраняемое крыло. Красивое название для тюрьмы.

Один из черно-бордовых советников кивнул:

— Предложение старшего принца звучит разумно. С сохранением достоинства гостя, разумеется.

Гостя. Сейра едва сдержала горькую усмешку. Какая забота. Клетка с достоинством, наверное, считалась здесь высшей формой гостеприимства. Но вслух она, конечно, ничего не сказала.

Нейвар молчал. Выражение его лица оставалось бесстрастным, только пальцы на подлокотнике кресла сжались чуть сильнее, но она знала, что он не упускает ничего из этой дискуссии.

Император посмотрел на младшего сына:

— Нейвар, ты что скажешь?

— Я возражаю против перевода госпожи Сейры из северного крыла, отец.

Айлор тут же повернулся к нему:

— На каком основании, брат?

Он ответил не сразу, и Сейра понимала, почему: Нейвар не мог сказать правду. Не здесь. Не при всех.

— Она находится под моей защитой. Этого мало, брат?

— Это распоряжение было дано в чрезвычайных обстоятельствах, — тут же возразил Айлор. — Совет не может оставить неизвестную женщину рядом с наследником империи только потому, что ты велел ее защитить. Брат, я не ставлю под сомнение твое право защищать тех, кто оказал тебе помощь, но речь идет не о благодарности, а о безопасности дома Хаэн.

Несколько согласно закивали. Становилось очевидным, что Айлор выигрывает. Он говорил так, будто заботится обо всех сразу: о Нейваре, об империи, о законах, о порядке. Даже о ней — если считать изоляцию заботой.

— Вчера госпожа Сейра также помогла принцессе Шаэлле с шарраном, — вмешался Эйвен. — Из тела животного извлекли подозрительный осколок. Находка передана мне. Это может иметь отношение к общей угрозе.

— И поэтому ее следует оставить рядом с наследником? — с нарочитым удивлением уточнил Айлор. — Лекарь, вы только что дали Совету еще одну причину проверить ее отдельно. Она уже успела оказаться рядом с новой подозрительной находкой.

Эйвен замолчал. Сейра бросила на него короткий благодарный взгляд. По крайней мере, он попытался защитить ее.

Один из мужчин в черном медленно проговорил:

— Ваше Величество, полагаю, большинство считает, что до выяснения обстоятельств госпожа Сейра должна быть изолирована от наследного принца. Это не наказание, а мера защиты.

— Поддерживаю, — произнес другой придворный.

— Поддерживаем, — послышалось еще несколько голосов.

Император Халван слушал, не перебивая. Когда все умолкли, он обвел зал тяжелым взглядом:

— Я услышал каждого из вас и вынужден принять ваше мнение во внимание. До завершения проверки госпожа Сейра будет переведена...

Он не успел договорить, потому что в этот момент раздался громкий голос Кадара:

— Простите, что перебиваю вас, Ваше Величество. Прошу простить мою дерзость...

Сейра повернулась к нему вместе со всеми. Кадар вышел вперед и встал на одно колено перед тронном рядом с ней. Лицо его выражало почтительность и решимость одновременно.

— Говори, — разрешил император, слегка нахмурившись.

— Есть обстоятельство, которое Его Высочество наследный принц не может огласить перед Советом сам, не нарушив своего достоинства. Но я, как его личный страж, не имею права молчать.

— Кадар... — резко предостерег его Нейвар.

Но на этот раз верный страж не послушал своего господина.

— Ваше Величество, госпожа Сейра должна остаться в северном крыле.

Айлор медленно поднялся:

— Кадар, Совет уже обсудил этот вопрос. Все сошлись на том, что ее нельзя оставлять рядом с моим братом до проверки всех обстоятельств и ее личности.

— Ваше Высочество, позвольте мне договорить, — сухо отозвался Кадар. — Госпожа Сейра останется не как свидетельница и не как гостья, а как женщина, к которой Его Высочество проявил личное расположение.

То самое слово еще не прозвучало, но Сейра уже поняла, к чему он ведет. На смену напряжению пришло совершенно неуместное желание рассмеяться: она вдруг ощутила себя внутри нелепой азиатской драмы, где сюжет сделал очередной шаблонный вираж. Теперь она следила за происходящим почти как сторонний наблюдатель, словно перед тронном решалась судьба какой-то другой женщины, а не ее собственная.

Зал замер. Советники недоверчиво переглядывались. Айлор остался стоять у трона, сохраняя бесстрастное выражение лица, но в глазах вспыхнуло что-то холодное и опасное.

— Ты хочешь сказать, что наследник желает оставить ее при себе? — пристально глядя на Кадара, спросил стоявший за плечом императора Сорхан.

Кадар поклонился:

— Да, господин Сорхан.

Личный страж императора перевел взгляд с Кадара на Сейру, затем снова вернулся к Кадару.

— В качестве наложницы? — наконец уточнил он.

Она ожидала услышать что-то подобное, и все же смысл этого слова не сразу дошел до Сейры. Сначала она увидела, как Айлор сжал кулаки так, что побелели костяшки, и как один из советников в первом ряду резко поднял голову. Услышала резкий выдох Эйвена справа от нее. Потом посмотрела на Нейвара. Он сидел неподвижно, с тем спокойствием, за которым явно стояло усилие, и смотрел на Кадара так, будто каждое следующее слово могло стать для его личного стража последним.

Но он молчал.

Кадар поднял взгляд на императора, и его слова слишком отчетливо прозвучали в тишине тронного зала:

— Ваше Величество, Его Высочество наследный принц Нейвар проявил к госпоже Сейре личное чувство и намерен оставить ее в северном крыле в качестве своей наложницы.

Глава 10. Раньше срока

Совет расходился медленно. После приказа императора спорить никто не решался, но люди не сразу пошли к дверям. Советники кланялись, задерживались у колонн, украдкой смотрели вслед Сейре. Нейвару хватило этих взглядов, чтобы понять: слухи о том, что он открыто приблизил к себе женщину, скоро разойдутся по всей столице.

Кадар сопровождал Сейру из тронного зала. Эйвен держался рядом. Она шла, не оглядываясь, и Нейвар вдруг поймал себя на том, что ждет ее взгляда. Подсознательно ждет, что она обернется, ища защиты или хоть каких-то объяснений. Но она вышла за дверь, так и не посмотрев на него.

Он знал, что Кадар поступил верно. Именно поэтому стоял и молчал. Иначе Сейру увели бы из северного крыла еще до конца заседания. Он мог бы винить Кадара за то, что тот выбрал один из худших способов спасти и его, и Сейру. Но винил лишь себя и свое проклятое клеймо, из-за которого уже семь лет жил с позором.

Он двинулся к выходу за остальными.

— Останься, — остановил его император.

Голос прозвучал негромко, но еще остававшиеся в зале советники сразу поняли, что больше задерживаться не стоит.

— Ваше Величество, — повернулся к отцу Айлор, — я знаю, что вы хотите обсудить. После случившегося безопасность северного крыла касается не только Нейвара...

— Ты тоже иди, Айлор.

— Но, отец...

— Ты слышал меня, сын, — спокойно перебил его Халван. — Сейчас я хочу поговорить с твоим братом. С тобой мне тоже есть что обсудить. Но позже.

Старший принц метнул на Нейвара быстрый раздраженный взгляд, но больше перечить императору не стал.

— Как скажете, отец.

Он коротко поклонился, и вскоре дверь за ним мягко закрылась.

Сорхан тоже хотел уйти, оставив отца с сыном наедине, но император Халван жестом остановил его.

— Ты останься, Сорхан. Нам надо обсудить не только Совет.

Страж остановился.

— Да, Ваше Величество.

Император перевел взгляд на сына. Нейвар вдруг обратил внимание, каким уставшим выглядит отец: под глазами залегли тени, складка у рта стала резче. Но голос Халвана, когда он заговорил, оставался твердым.

— Ты должен был сказать мне об этом раньше, сын, — сказал он. — Ты и впрямь решил открыто объявить эту женщину своей? Ты никогда раньше... — император осекся, не закончив мысль. Потом прямо посмотрел сыну в лицо: — Я должен был узнать об этом до Совета.

Нейвар молчал. В ушах еще стоял голос Кадара, а перед глазами — лицо Сейры, когда она услышала слова его стража. Она держалась прямо, с достоинством, но он был уверен, что внутри у нее все кипело.

— Не было времени, отец, — глухо ответил он.

— Я понимаю, — отозвался император. — Но ты должен осознавать: эта женщина не из нашего мира. Мы почти ничего о ней не знаем. Кого ты приводишь в свои покои — твое личное дело, я не стану вмешиваться без причины. Но ты уверен, что она не представляет опасности для тебя и для нас всех?

Нейвар выдержал его взгляд.

— Уверен, отец. Воспоминания о том мире обрывочные, но одно я знаю точно: все время она была рядом и помогала. Я доверяю ей.

Император несколько секунд молчал.

— Что ж, — решил он наконец, — тебе отвечать за последствия. Завтра утром я издам указ о присвоении ей этого статуса, можешь выделить ей больше слуг. Я также распоряжусь назначить ей содержание.

Он сделал паузу и перевел взгляд на Сорхана, затем снова посмотрел на принца.

— Теперь нам стоит обсудить более важную тему. Ты вернулся истощенным, и клеймо вновь активно. Я хотел дать тебе время прийти в себя, но мы больше не можем откладывать этот разговор.

Нейвар кивнул.

— Да, отец. Боюсь, мы ошиблись, когда решили, что уничтожили Орден полностью. В камере обращения было трое, они прятались в тени. И это были люди Ордена, я уверен.

— Расскажи все, что помнишь, — попросил Сорхан.

Нейвар заговорил. Сухо, коротко, выкладывая только факты. Император и Сорхан слушали в тяжелом молчании, не перебивая. Лишь однажды взгляд личного стража стал острее — когда наследный принц повторил слова одного из нападавших, что Ордену он нужен живым. Но Сорхан промолчал, давая Нейвару закончить рассказ.

— Проверка идет? — повернулся император к Сорхану, когда наследный принц замолчал.

— Да, Ваше Величество, но пока ничего не выяснили. Мои люди допросили буквально каждого, кто в ту ночь стоял у ворот и в карауле. Служанок тоже. Но до сих пор зацепок нет. Я буду продолжать искать.

Халван кивнул. Сорхан знал, как вести такие дела. Если за ложным приказом стоял человек из дворца, он найдет его. Даже если след выведет дальше, к Ордену, он не остановится, пока не выяснит все.

Император вновь обратился к сыну:

— Семь лет назад мастер из Ордена уверил нас, что они не имеют больше над тобой власти.

Нейвар смутно помнил этого человека: бледное лицо, тощая фигура, взгляд без раскаяния. Его взяли, когда Орден уже был почти разгромлен. Он сдал места, имена, хранилища и саму суть клейма. Потом ему пообещали жизнь взамен на помощь, и он запечатал клеймо.

Они нашли каждое указанное им место. Уничтожили всех, кого он назвал.

Или думали, что всех.

— Семь лет оно действительно было запечатано, — сказал Нейвар. — Но теперь они нашли способ снова сделать его активным. Тот человек все еще в Крепости Молчания?

— Да, — ответил Сорхан вместо императора. — Его Величество распорядился доставить его во дворец в тот же день, когда вы попали в чужой мир, мой принц. Мастера Артена скоро доставят сюда, и мы сделаем все, чтобы он заговорил. А затем заставим снова... — он не договорил, задержав взгляд на левом плече наследника.

— Как только он прибудет, пусть сначала услышит твой рассказ, — сказал Халван. — Если это их новые методы, он должен понять хотя бы самое главное.

— А если он откажется говорить? — медленно спросил Нейвар.

Взгляд императора стал жестче.

— Он уже однажды выбрал жизнь. Сделает это снова.

Нейвар молча согласился. Теперь оставалось лишь ждать, пока мастера привезут во дворец. До тех пор придется жить с активным клеймом и быть осторожнее в следующую пятую ночь.

Он снова вспомнил, как Сейра ушла из зала, не оглянувшись.

— Если на этом все, отец, разрешите мне идти. Я должен поговорить с Кадаром.

— Не все, — сказал Халван.

Нейвар остановился. Император провел ладонью по подлокотнику, собираясь с мыслями.

— Завтра прием в честь посла Цай. Ты помнишь?

— Разумеется.

Он действительно не забыл. К этому событию готовились уже несколько недель, еще до той ночи и сегодняшнего Совета. Посол Южной империи прибыл не ради пустой вежливости. Речь шла о продлении договора по южным портам, караванным дорогам и поставкам лекарственных смол. Для дворца это был не товар, а стратегический запас.

Но дело было не только в поставках.

Цай не зависела от милости Хаэн. С такой державой нельзя было разговаривать с позиции слабости: посол сразу превратил бы ее в новые условия договора.

— Посол уже в столице, — сказал Сорхан. — Отменить прием без веских объяснений теперь невозможно...

— А их мы дать не можем, — закончил за него Нейвар.

Халван кивнул.

— После сегодняшнего Совета слухи все равно пойдут. О чужеземной женщине и о нападении на тебя. Посол Цай не должен увидеть нас растерянными.

— Я буду на приеме, отец.

— Ты будешь рядом со мной как наследник. Достаточно собранный, чтобы никто не увидел, какой ценой тебе дается этот день. Южный посол не должен решить, что с Хаэн теперь можно торговаться с позиции силы.

— Да, отец.

— Хорошо, — сказал император. — Теперь иди, поговори с Кадаром. Только не будь слишком строг со стражем, сын. Я видел, что Айлор пытался сделать сегодня на Совете. И помню, как ты крепко держал ее за руку даже в беспамятстве в ту ночь. Независимо от твоих чувств к ней, лекарь прав — эта девушка должна оставаться рядом хотя бы до прибытия Артена. Если после этого ты все еще захочешь оставить ее у себя в качестве наложницы, это твое право. Я не стану препятствовать.

Нейвар не мог заставить себя посмотреть отцу в глаза.

— Благодарю, Ваше Величество, — тихо произнес он. — С вашего позволения.

Он дошел до северного крыла быстрее обычного. В одном из переходов двое придворных резко замолчали при его приближении. Запрещать каждый шепот было бессмысленно, но нужно было сделать так, чтобы при Сейре никто не позволил себе лишнего.

Кадар и Эйвен ждали его в кабинете. Страж стоял у окна прямо и неподвижно. Взгляд выдавал напряжение, но не страх.

Нейвар остановился посреди комнаты, не сводя взгляда с Кадара.

— Ты ведь понимаешь, что сделал? — негромко спросил он.

— Понимаю, — тут же отозвался страж. — Я назвал госпожу Сейру вашей наложницей перед Советом. Без ее согласия и без вашего приказа.

— И дал повод для сплетен, которые она все равно услышит у себя за спиной. Ты и это понимал?

— Да, — подтвердил Кадар, не опуская глаз.

Нейвар какое-то время молча смотрел на него, а когда снова заговорил, его тон сделался тише:

— Я знаю, что ты хотел спасти меня. Но ты задел ее честь и достоинство, Кадар.

— Я сделал это, чтобы Совет не смог забрать ее из северного крыла, мой принц. Ваша безопасность превыше всего.

Эйвен открыл рот, будто хотел вмешаться, но промолчал.

— Ты не имел права, — тяжело сказал Нейвар, опускаясь в кресло.

— Не имел, господин. Но, если бы пришлось, сделал бы это снова. Если бы я ждал позволения, ее могли увести. Следующая пятая ночь уже завтра. Мы не можем так рисковать, мой принц.

Кадар явно не раскаивался в том, что сделал. Нейвар устало потер лицо.

— Ты прав. Вот что хуже всего. Ты говоришь верно. Но она помогла мне, Кадар, ухаживала за мной в своем мире. Мы не должны были поступать с ней так.

На этот раз страж отвел взгляд.

— Я знаю.

Эйвен все же вмешался:

— Я согласен с Кадаром, господин. После возвращения клеймо ведет себя иначе. Мы не знаем, насколько тяжелой станет следующая пятая ночь. С госпожой Сейрой у нас хотя бы есть шанс контролировать это.

— Но запятнать ее этой ложью, Эйвен, — тихо возразил Нейвар. — Можно было найти другой способ оставить ее рядом...

— Простите, что возражаю вам, мой принц, но другого способа я не вижу, — покачал головой Эйвен. — В этом статусе она может сопровождать вас, находиться в ваших покоях, касаться вас даже при свидетелях. Да, по отношению к госпоже Сейре это несправедливо. Но Кадар выиграл нам время.

Нейвар невидящим взглядом уставился на свой стол. На нем лежали письма, печати, сводки, но перед глазами стояла Сейра в тронном зале. Ему стоило сначала зайти к ней, но он не смог. Прежде надо было обдумать, что сказать и как убедить, что это не было его планом с самого начала. Пальцы непроизвольно сжались на краю стола.

— Кадар, распорядись, чтобы ее перевели в лучшие покои. Пусть приставят столько служанок, сколько ей нужно, — сказал Нейвар. — Пусть никто не входит к ней без стука. Никто не смеет требовать от нее поведения наложницы. Охрана останется у ее дверей круглосуточно, но так, чтобы она не чувствовала себя пленницей.

— Конечно, мой принц, — поклонился страж.

— И пресекай слухи.

— Да.

— Всех не заткнешь, — невесело усмехнулся Нейвар. — Но, если кто-то позволит себе лишнее при ней...

— Я понял, господин.

Нейвар кивнул.

— Теперь идите оба. Мне необходимо поработать и ответить на несколько срочных обращений чиновников.

Кадар с лекарем тут же направились к двери.

— Я буду снаружи, господин, — сообщил страж и вышел вслед за Эйвеном.

Нейвар остался один. Несколько секунд он сидел неподвижно, прислушиваясь к тишине, затем развернул первый свиток. Ответ на обращение торговых домов требовал внимания: спорные пункты, уступки, осторожная формулировка предупреждения.

Он прочитал первые строки дважды, но так и не понял смысла. Строчки сливались. Мысли путались.

Наложница.

Нейвар отодвинул свиток, потер переносицу и заставил себя снова заняться бумагами. Сейчас у него не было времени на злость. За несколько дней, пока он приходил в себя после чужого мира, дел накопилось больше, чем он ожидал. Одни ждали его решения по жалобам, другие просили о милости, третьи требовали подтвердить прежние распоряжения или отменить новые, принятые без него. Торговые дома спорили о пошлинах, заместники присылали

отчеты, чиновники осторожно переключивали друг на друга ответственность там, где нужно было просто поставить подпись и принять последствия.

Он взял другой свиток, ответил на два донесения, подписал распоряжение по гарнизону у западного перевала, отклонил просьбу о помиловании и задержался над жалобой из южного округа. Обычная работа, на которой он прежде не сбивался. Но сейчас он снова отложил перо и перевел взгляд на шелковую ширму с вышитыми драконами. Клеймо тупо, привычно ныло.

В семье Хаэн обращение всегда было силой. Отец и Айлор могли принимать драконью форму по собственной воле. Релон, едва достигнув нужного возраста, тоже научился этому без страха и без боли. Для них это было наследием крови, предметом их гордости.

Нейвару же Орден оставил не силу, а пытку по расписанию.

Когда-то обращение было оружием. В старых хрониках правители Хаэн принимали драконью форму перед битвами и закрывали границы огнем. Но это осталось в прошлом. Уже много лет — несколько поколений — никто не осмеливался идти войной на империю его отца. Теперь самой возможности обращения хватало, чтобы соседи помнили, с кем имеют дело.

Но Нейвар не мог обратиться, когда хотел. Каждую пятую ночь он был вынужден проходить обращение, и все, что ему оставалось — добраться до камеры, выдержать боль и удержаться внутри каменных стен.

Он думал, что научился.

Думал, что за этот долгий срок изучил все границы боли.

Нейвар снова взял перо. Чернила легли на бумагу неровно. Он нахмурился, перечитал написанное и понял, что в одной фразе пропустил слово. Усталость навалилась внезапно. Даже не сон, а короткий провал в беспомощность, когда взгляд еще цепляется за чернила, но смысл уже окончательно ускользает.

Он резко выпрямился в кресле, отгоняя наваждение.

Левое плечо жгло.

Сначала Нейвар решил, что это все еще последствия той ночи. Ткань верхней одежды раздражала кожу, как слишком грубая повязка. Он снял ее и бросил на спинку кресла. Перед пятой ночью такое бывало: тело заранее становилось чувствительнее, дыхание тяжелело, изнутри поднимался жар.

Но сейчас вместо жара было неприятное жжение. Оно шло от основания шеи под ключицу, потом к плечу и ниже, к локтю. Левая рука начала неметь так быстро, что Нейвар не сразу смог расстегнуть манжету. Пальцы правой слушались плохо, будто и их уже задевал чужой приказ.

Когда ткань наконец поддалась, он увидел, что на коже вдоль сухожилий проступили темные пятна чешуи.

Нейвар замер.

Пятая ночь была только завтра. Сегодня наступала четвертая, и до нее оставалось еще несколько часов.

Он положил ладонь на стол и увидел, что ногти темнеют. Через мгновение заостренные ногти скребнули по дереву, оставив тонкие следы.

Нет.

Еще не время.

Боль ударила резко, безжалостно. Нейвар согнулся, второй рукой с силой врезавшись в край стола. Из горла вырвался хрип. Он попытался вдохнуть ровнее, удержать дыхание, как делал это в камере обращения, переждать первый натиск и не дать телу рвануться дальше.

Не помогло.

До сих пор обращение всегда приходилось на пятую ночь — в камере, на темном песке, за стенами, рассчитанными на дракона. Но сейчас оно начиналось прямо здесь, в его кабинете. Левая кисть менялась на глазах. Суставы вытянулись, по запястью поползла новая полоса

чешуи. В собственном дыхании Нейвар услышал низкий, звериный звук и сжал зубы так сильно, что боль отдалась в висках.

Он хотел позвать Эйвена, но понял, что этого будет мало. И осознание этого сделало его положение унижительным. Лекарь знал свое дело, но сейчас Нейвару нужен был не он. Тело уже тянулось к другому. К ее голосу.

От одной этой необходимости Нейвару захотелось ударить кулаком по столу. Он был наследником Хаэн, воином, человеком, не привыкшим поступаться своей гордостью. Сегодня ей при всех навязали оскорбительный статус, а он даже не вмешался. И теперь он вынужден звать ее, чтобы просить о помощи. Эта мысль была куда ненавистнее боли, ломающей сейчас его тело.

Но другого выхода не было.

— Кадар, — хрипло позвал он.

Дверь распахнулась почти сразу. Страж вошел и остановился у порога. Одного взгляда на Нейвара ему хватило, чтобы все понять.

— Нет, — тихо выдохнул он. — Еще ведь рано...

Клеймо снова дернуло плечо. Нейвар ударил ладонью о стол, и когти вспороли дерево глубже.

— Я позову Эйвена, мой господин!

Кадар уже хотел развернуться к двери, когда Нейвар вскинул правую руку, останавливая его. Зверь внутри слишком резко отозвался на движение у выхода, и это напугало сильнее, чем боль.

— Сейру, — выговорил он, с трудом удерживая голос человеческим.

Кадар не стал спорить.

— Прошу вас, продержитесь еще немного. Я сейчас же приведу ее, мой принц.

Глава 11. Не уходи

После Совета Сейру проводили обратно в ее покои. Мейла принесла воду, помогла переодеться, оставила на столе поднос с обедом и несколько раз осторожно поинтересовалась, не нужно ли еще чего. Сейра упрямо качала головой. Оставшись наконец одна, она долго сидела над нетронутой едой, пытаясь придумать, что скажет Нейвару, когда между ними не будет Кадара, лекаря, придворных чиновников и всего этого проклятого дворца.

Но нужные слова не шли, и она уже который час не находила себе места. Шагая от ширмы к окну и обратно, она беззвучно репетировала ту единственную четкую фразу, которая должна была донести до Нейвара простую мысль: публичное унижение остается оскорблением, даже если оно спасло ей жизнь. *Наложница*. Как только в голову могло прийти...

Когда в дверях возник Кадар, она уже стояла у окна, невидящим взглядом уставившись на сад.

— Вы нужны. Срочно.

Она повернулась, услышав его голос, и по выражению лица поняла, что дело серьезное.

— Что случилось? — уже на ходу спросила Сейра, едва поспевая за его широким шагом.

— Срыв, — коротко бросил страж.

Гнев не исчез, но послушно отступил перед тревогой. Уязвленная гордость вполне могла подождать до утра.

— Так скоро? Я думала...

— До пятой ночи еще больше суток, — не сбавляя шага, отрывисто сказал Кадар. — Знаю. Но уже началось.

Больше Сейра ни о чем не спрашивала. Дыхание стоило беречь.

У дверей в кабинет наследника не оказалось стражи: Кадар уже успел убрать лишние глаза. Он бесшумно отодвинул тяжелую резную панель, пропустил Сейру вперед, а сам встал у внутреннего входа.

В кабинете был беспорядок. Опрокинутая чернильница лежала на боку, и темная лужица медленно подбиралась к краю стола, заливая свежие борозды, оставшиеся на полированном дереве. Смятые листы с сургучными печатями валялись у ножки кресла.

Нейвар стоял, тяжело упираясь обеими руками в столешницу. Верхнее одеяние осталось на спинке кресла, левый рукав белой рубашки был распахнут до локтя. Вдоль предплечья, прямо по напряженным сухожилиям, уже проступили темные пластины чешуи. На пальцах, впившихся в дерево, чернели когти.

Услышав шаги, он повернул голову. Зеленоватый цвет глаз почти исчез: вокруг узких вертикальных зрачков проявлялось золото.

— Это я, — произнесла Сейра, останавливаясь в нескольких шагах и медленно протягивая к нему руку. — Я пришла.

Она с легким удивлением поняла, что совершенно не чувствует страха. Тело привычно делало все само: стойка вполоборота, раскрытые ладони на виду, ни одного резкого движения. За пять лет работы эти движения стали рефлексом, который срабатывал куда быстрее страха.

— Дышите вместе со мной, — попросила она ровным, успокаивающим тоном. — Слышите меня? Вдох... Теперь медленнее...

Хриплое дыхание Нейвара сбилось, выровнялось, но тут же снова сорвалось. Чешуя на предплечье дрогнула, расползаясь выше. Он со свистом втянул воздух сквозь стиснутые зубы и резко отвернулся, пряча лицо.

— Нет, — мягко, но непреклонно сказала Сейра. — Смотрите на меня. Голос работает лучше, когда мы смотрим друг на друга.

Несколько долгих ударов пульса не происходило ничего. Затем он медленно повернул голову. Тяжесть этого нечеловеческого взгляда заставила бы практически любого отступить к двери, но она даже не моргнула.

— Вот так, — продолжила она с той самой интонацией, которой когда-то уговаривала его есть рыбу. — Я рядом и никуда не денусь.

За ее спиной почти беззвучно отворилась и закрылась дверь. Боковым зрением Сейра уловила, как Эйвен вошел и замер в трех шагах.

— Я знаю, что вам больно, — продолжала она, ни на секунду не разрывая с Нейваром зрительный контакт. — Но вы сильнее, вы справитесь.

Вместо ответа его пальцы замерли, впившись в столешницу мертвой хваткой. Все тело Нейвара пронзила жуткая, неестественная судорога, словно кости внутри него начали менять форму.

Ей стало страшно, но не за себя, а за него. Она заговорила чуть громче, мягко, но непреклонно заставляя его слушать.

— Вам просто нужно вспомнить, что вы человек. Не поддавайтесь этому... Слушайте мой голос...

Она сделала осторожный шаг ближе. Нейвар дернулся, но Сейра не остановилась.

— Я коснусь клейма, — предупредила она все тем же ровным тоном. — Не сдавайтесь... Просто слушайте меня.

Сейра подняла руку и осторожно дотронулась пальцами до края воспаленного контура у самого плеча. Кожа полыхала сухим жаром. Нейвар глухо выдохнул, словно это прикосновение не сняло боль, а наконец-то дало ей выход.

— Вот так, — сказала она тише. — Я здесь. Держитесь за мой голос.

Она говорила и говорила: мерно, не меняя интонации. Под ее ладонью каменное напряжение его мышц начало медленно отступать. Дыхание наследника становилось глубже и ровнее. Когти с неохотой втянулись, а темные пластины стали бледнеть, растворяясь под кожей.

А затем чудовищное напряжение наконец спало, и он тяжело покачнулся, словно из него разом выкачали все силы. Сейра успела подставить плечо раньше, чем здравый смысл задал вопрос, стоит ли это делать. Нейвар удержался на ногах, вцепившись в ее предплечье горячими пальцами, и на одно мгновение его лоб тяжело приник к ее виску.

— Не уходи, — хрипло выдохнул он.

Сказано это было едва слышно, и Сейра даже не была уверена, не послышалось ли ей. Она растерянно оглянулась. Кадар повернулся лицом к двери. Эйвен, не поднимая головы, усердно перебирал склянки в своей сумке. Слышали они или нет, понять было невозможно. Сейра перевела дыхание и снова посмотрела на наследника.

— Я здесь, — тихо ответила она.

Через полчаса от полуформы остались лишь воспаленный контур клейма, пепельный оттенок лица и тонкие темные следы, проступающие под кожей левого предплечья. Лечь Нейвар наотрез отказался. Он сидел в кресле, выпрямив спину так старательно, что Сейре очень хотелось нащупать на нем какую-нибудь тайную точку, где у драконьих наследников находится кнопка «перестать упрячиться».

Эйвен аккуратно обрабатывал ему плечо прохладным составом из плоской баночки.

— Все эти годы после... все эти семь лет обращение всегда происходило только на пятую ночь, — произнес Эйвен, не отрываясь от работы. — После возвращения боль усиливалась волнами. Но этот приступ начался слишком резко.

— Ты знаешь причину? — спросил Кадар.

— Если бы знал, разве молчал бы? — огрызнулся Эйвен. — Пока могу лишь предложить не оставлять Его Высочество без госпожи Сейры надолго.

Пальцы Нейвара на подлокотнике на секунду сжались сильнее.

— Особенно во время завтрашнего приема, — добавил Эйвен, аккуратно закрывая баночку. — Надеюсь, вы понимаете это, мой принц.

— Понимаю, — глухо отозвался Нейвар. На нее он старался не смотреть.

Сейра наконец позволила себе сесть в ближайшее кресло. Ноги гудели от накопившегося напряжения, а голова отчаянно требовала ответов.

— О каком приеме речь? — спросила она.

— Завтра во дворце принимают посла Южной империи Цай, — ответил Эйвен. — Праздник готовили несколько недель, и отменить его уже невозможно.

Сейра перевела взгляд на Нейвара. Он сидел в кресле слишком спокойно для человека, который полчаса назад едва не продырявил когтями столешницу.

— В таком состоянии?

— В любом состоянии, — ответил Кадар вместо принца. — Посол уже в столице.

— А если приступ начнется прямо там?

— Поэтому завтра вам лучше быть рядом, — заметил Эйвен.

Нейвар бросил на него быстрый взгляд, но промолчал. Сейра смотрела на его прямую осанку и понимала, что после срыва он закрылся. Спрятал свою неловкость за безмолвием, чтобы никто здесь не смел даже подумать о жалости.

— Прием настолько важен? — спросила она.

— Да, — отрезал Кадар.

Она подождала продолжения, но его, разумеется, не последовало.

— Какой исчерпывающий ответ, — покосилась она на стража. — Теперь мне стало намного понятнее.

Эйвен закрыл баночку с мазью и убрал ее в сумку.

— Цай держит южное море, — спокойно пояснил лекарь. — Флот, порты, торговые пути, южные товары. Договор с ними важен для всей империи, но завтра речь пойдет не только о бумагах. Посол должен увидеть все собственными глазами, потому что до него уже наверняка дошли слухи.

— Какие слухи?

— Что наследник Хаэн исчез из охраняемой части дворца и вернулся с женщиной, которой никто здесь не знает, — сказал Кадар. — Что утром из-за нее собирали Совет. И что... — Он на мгновение замолчал, но все же договорил: — ...что Его Высочество дал вам особый статус.

— Прошло меньше суток, — удивилась Сейра. — Я знала, что у дворцовых стен есть уши, но не ожидала от них такой скорости.

Эйвен невесело усмехнулся:

— Во дворце говорят: слово, упавшее в коридор, к вечеру возвращается с родней.

— Прекрасно, — пробормотала она себе под нос. — Значит, теперь у моего унижения есть родственники.

Кадар даже не улыбнулся.

— Никто не знает всей правды, но сплетни уже делают свое дело. А малейшая потеря контроля на глазах у посла превратит эти слухи в факты. Договор они не разорвут, но назовут новую цену. И нам придется ее принять.

— Потому что они сильнее вас?

Кадар поморщился от ее слов, словно даже слышать их ему было неприятно.

— Потому что Цай — единственная империя, которая разговаривает с нами на равных, — спокойно пояснил Эйвен. — В прошлом уже были прецеденты, доказавшие, что диктовать им условия бесполезно.

— У них тоже есть драконы? — спросила Сейра.

Только произнеся это вслух, она вдруг в полной мере осознала абсурдность происходящего. Еще недавно вся ее реальность состояла из такой безопасной, обыденной рутины, что самой горячей темой для дискуссий были очередные любовные драмы подруг да перебитое крыло птицы. А сейчас она сидела в пропахшем целебными смолами кабинете, смотрела на глубокие борозды от когтей на столешнице и на полном серьезе обсуждала политику этого мира.

— Нет, — отрезал Кадар. — Драконы рождаются только здесь.

— Точнее, становятся драконами только здесь, — поправил Эйвен.

Кадар бросил на него недовольный взгляд, но спорить не стал.

— Кровь Хаэн передает искру, — продолжил лекарь. — Но искра становится пламенем только на земле Хаэн. Сын императорской крови, рожденный и выросший за морем, останется человеком. Поэтому Цай не может получить дракона ни браком, ни пленом. Драконы Хаэн есть только в нашей империи. Но через большую воду они не летают: слишком быстро теряют силы.

Сейра сидела, пытаясь переварить услышанное, и, очевидно, на ее лице была написана растерянность, потому что Эйвен счел своим долгом пояснить дальше.

— Стихия воды гасит внутреннее пламя. Чем дальше от берега, тем быстрее остывает огонь Хаэн. Триста лет назад император Раэдан решил, что это лишь суеверие. Повел через море флот и старшего сына. Не вернулся никто.

— Просто буря уничтожила корабли, — жестко проговорил Кадар.

— Так пишет наша хроника, — возразил ему Эйвен. — Цай утверждают, что огонь погас раньше, чем пришла буря.

— Южная хроника писалась теми, кому выгодно, чтобы мы в это верили.

— А наша — теми, кому выгодно верить в бурю.

Спор вспыхнул коротко, но с неподдельным, горячим упрямством. Было очевидно, что эта тема остается камнем преткновения для них уже не первый год. Никто уже не надеется переубедить другого, но каждый раз оба стоят на своем до последнего.

— Цай вернула все, что море вынесло на их берег, — уже тише добавил Эйвен. — Доспехи принца, знаки кораблей, оружие погибших. С почестями и без единой насмешки. С тех пор никто из Хаэн не был настолько смел, чтобы повторять конфликт с Южной империей.

— С тех пор никто из Хаэн не был настолько глуп, — негромко поправил его Нейвар.

Это были его первые слова за долгое время. Сейра перевела на него взгляд, но он не смотрел на нее. Перед ним на столе были ровно разложены какие-то свитки, которые теперь полностью прятали испорченное дерево.

— Значит, Цай держит море, — заключила она, — а море сдерживает Хаэн.

Ей никто не возразил, но слова неловко повисли в воздухе.

— Скорее, это обоюдная зависимость, — мягко уточнил Эйвен, нарушая тишину. — У них флот, у нас мощь на суше. Наш альянс и торговля делают обе империи недостижимыми для соседей. Цай уважает нас ровно до тех пор, пока мы стоим с ними на равных.

— Поэтому завтра посол должен увидеть наследника спокойным, сильным и владеющим собой, — глядя ей прямо в глаза, сказал Кадар. — И поэтому на Совете я был вынужден вмешаться. Принц об этом не знал. Это было мое решение, и вся ответственность за него лежит на мне.

Сейра выдержала этот взгляд, хотя щеки вдруг предательски обожгло. Вспомнилось, кем именно страж ее выставил перед всем дворцом.

— Хватит, — вмешался Нейвар. — Я не нуждаюсь в том, чтобы ты брал вину на себя.

Сейра усмехнулась, пряча за колкостью все еще горящие щеки:

— Теперь понятно. Значит, завтра я должна стоять рядом и всем видом изображать, что у наследника Хаэн нет никаких проблем.

— Завтра вы никому ничего не должны, — глухо произнес Нейвар.

Он наконец оторвал взгляд от стола и посмотрел ей прямо в глаза.

— Что ж, тогда я буду изображать медицинский инвентарь по собственной воле, — отчего-то смутившись, пробормотала Сейра.

— Медицинский инвентарь обычно менее разговорчив, — не удержался Эйвен.

Кадар смерил лекаря тяжелым взглядом человека, напрочь лишённого чувства юмора.

Эйвен этот взгляд благополучно проигнорировал. Щелкнула медная пряжка на лекарской сумке.

— Визит посла Цай действительно очень важен, госпожа Сейра, — уже серьезнее проговорил он. — Наш союз с Южной империей не всегда держится только на торговых пошлинах. Исторически его частенько скрепляли браком.

Нейвар бросил на него короткий, предостерегающий взгляд:

— Ты слишком много говоришь сегодня, Эйвен.

— Прошу прощения, мой господин, — виновато отозвался лекарь.

Сейра переводила взгляд с одного на другого. Разговор явно сворачивался, и пора было озвучить то, что не давало ей покоя с самого утра.

— Раз уж речь зашла о статусах, я хотела бы обсудить слова Кадара на Совете, — решительно начала она и выразительно посмотрела на стража. — Статус наложницы — это ведь просто статус? Меня беспокоит, что скажут ваши остальные женщины. Знаете ли, я не хотела бы быть отравленной или задушенной в первый же день из-за банальной ревности...

Говоря это, Сейра не сводила глаз с Нейвара. Лицо принца оставалось бесстрастным, однако на его скуле предательски дернулся мускул.

— Оставьте нас, — негромко приказал принц.

Эйвен с готовностью подхватил сумку и вышел, не оглядываясь. Кадар задержался на полсекунды дольше.

— Я буду за дверью, — сказал он и закрыл за собой панель.

Шаги в коридоре стихли. Сейра не отводила от Нейвара взгляда, ожидая, что сейчас он снова спрячется за привычной выдержкой. Однако принц не спешил нарушать тишину. Он просто смотрел в сторону, откровенно медля с ответом.

— То, что произошло на Совете... — наконец произнес он. — Я не остановил Кадара. Это моя вина.

Он не извинялся и не оправдывался, просто признавал факт. Сейра подавила вздох. Злиться на него действительно не было смысла. В конце концов, она была взрослой женщиной с современными взглядами, а не трепетной местной барышней, падающей в обморок от одного слова «наложница». Она прекрасно понимала, что Айлор и обстоятельства просто не оставили им всем другого выбора.

— Утром отец подпишет указ о вашем статусе, — продолжил Нейвар. — В нем будут четыре основных пункта. Слово «наложница» останется лишь на бумаге, но даст вам защиту. Во-первых, вы будете получать содержание из казны северного крыла. Во-вторых, личная охрана и слуги...

— Мне не интересны дворцовые привилегии. Я просто хочу вернуться домой, — не выдержала Сейра.

— Вы также сможете свободно передвигаться по дворцу и садам, — упрямо перечислял он, не реагируя на ее слова. — Мои люди все равно будут сопровождать вас, но это только ради вашей безопасности. И последнее: никто, кроме императора и меня, не вправе требовать от вас чего бы то ни было.

Возражения, уже готовые сорваться с языка, застряли в горле. Все четыре пункта были о ней. И ни одного о нем.

— Понятно, — очень тихо сказала она.

Нейвар наконец посмотрел ей в глаза.

— Я обязательно буду искать способ вернуть вас домой. Но завтра прием в честь посла Цай, и я вынужден просить вас быть рядом. Но вы можете отказаться.

Сейра выдержала его прямой взгляд. Всего на мгновение ей захотелось сказать «нет» хотя бы из упрямства: после утреннего Совета она имела полное право не быть удобной.

— А если я действительно откажусь?

— Я приму ваш ответ и не стану винить вас. Но...

Он запнулся. На какую-то долю секунды выдержка изменила ему, и Сейра вдруг увидела на его лице глубокую усталость.

— Если завтра, на глазах у посла Цай, клеймо напомнит о себе... — он снова сделал паузу, и было видно, чего ему стоит каждое следующее слово. — Я хотел бы чувствовать, что вы рядом.

В этой просьбе не было приказа. За один вечер гордый наследник Хаэн просил ее уже второй раз. И она вдруг поняла, что против такой искренности ее упрямство бессильно.

— Я выхаживала вас, когда у вас был хвост и прескверный характер, — стараясь не выдавать эмоций, кивнула она. — Рядом с вами в человеческом виде я уж как-нибудь выстою. — И, прежде чем он успел ответить, добавила: — Завтра двор увидит возле вас наложницу. Но вы будете знать: рядом с вами стоит врач, который сам принял это решение.

Нейвар смотрел ей в глаза долгие несколько секунд.

— Конечно, — сказал он.

Одно слово, но услышанное от него оно почему-то стоило для нее дороже любых клятв.

Разговор был окончен, и Сейра поднялась, чтобы уйти. На нее вдруг навалилась усталость, и ей хотелось побыть одной, чтобы привести мысли в порядок. У самой двери она обернулась.

— До завтра... Ваше Высочество, — сказала она.

Титул все еще звучал неловко, но сейчас Сейра не нашла ничего лучше.

Нейвар тоже медленно встал.

— Сейра, — негромко окликнул он.

Она замерла, так и не сдвинув тяжелую створку, и вопросительно посмотрела на него.

— Вам не нужно бояться яда, — очень четко произнес он в повисшей тишине. — У меня нет других женщин.

На мгновение Сейра растерялась. Вся ее напуск

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.